

Миллион
в кармане

Андрей Михайлович Дышев

Миллион в кармане

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161849
Миллион в кармане: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20893-7*

Аннотация

Так и хочется перефразировать старую пиратскую песню: «Семнадцать человек на сундук покойницы...» Владелец частной гостиницы Кириллу Вацуре крепко не повезло с постояльцами. То утонет кто-нибудь из них, то исчезнет, то пожар учинит. А может быть, все-таки повезло? Ведь благодаря именно постояльцам ему стало известно о сундучке с золотыми монетами, зарытом где-то в Карпатских горах. Путешествие за сокровищами оказалось предельно опасным, потому как желающих завладеть кладом оказалось слишком много...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	19
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	43
Глава 16	45
Глава 17	47
Глава 18	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Дышев

Миллион в кармане

Глава 1

– Я боюсь, – сказала она. – У меня дурное предчувствие.

Она опустила одну ногу в воду, которая из-за глубины и чистоты казалась темно-зеленой. Слабая волна лизнула ее белое колено, и Ольга торопливо отдернула ногу.

Олег излишне громко рассмеялся, потрепал жену по щеке и, подняв со дна лодки искалеченного краба, объявил:

– Я сделал ихтиологическое открытие! Если крабу оторвать все ноги и одну клешню, то оставшейся клешней он будет пытаться вставить свои оторванные ноги обратно. Как это называется? Инстинктивное стремление к регенерации?.. Смотрите все, показываю!

С отвратительным звуком он оторвал крабу членистую, утыканную щетинкой ногу и дал крабу захватить ее клешней. Несчастный паукообразный, дергая от боли оставшимися конечностями, на мгновение стиснул свои пассатижи, но тотчас разжал. Нога с щелчком, как целлулоидный шарик, упала на дно лодки.

– Убери от меня эту гадость! – крикнула Ольга, замахиваясь на мужа. – Мне и так дурно...

Молодая супружеская пара, Олег и Ольга Ковальские, две буквы «О», как я помечал их в своем учетном журнале, на редкость подходили друг другу внешне, несмотря на то, что девушка была на полголовы выше своего супруга – в этом был свой шарм. Что касается характеров, то не могу утверждать, что молодые жили ладно. Из их номера очень часто доносились вялая перебранка и тихое всхлипывание Ольги. Впрочем, народная молва утверждает, что молодые бранятся – только тешатся.

Рыжая Марина, в отличие от Ольги, держалась уверенно и раскованно, словно лучшие свои годы провела под водой. Она грубыми, лишенными всякого кокетства движениями стянула с себя и кинула на дно лодки черную, заштопанную в нескольких местах длинную юбку, через голову сдернула сиреневую кофточку, оставшись в темном закрытом купальнике, который морщился и обвисал на ее худеньком теле, лишенном рельефа, как у мальчика. Наверное, Марину донимали комары – ее спина была покрыта полосами расчесов и царапин, а нижние края ягодиц, выглядывающие из-под купальника, полыхали заревом с отчетливым отпечатком ладони.

Если бы я знал тогда, что значат эти царапины и отпечатки! Если бы я сумел логически сплести этот факт с другими, на первый взгляд малозначимыми фактами – может быть, во всей этой грустной истории пролилось бы намного меньше крови.

Я поднял за лямку свой акваланг и закинул за плечи. Тяжелые баллоны ударили по спине, кран редуктора уперся в затылок. Моим клиентам еще предстояло впервые открыть для себя подводный мир, восхититься им и полюбить его. Мне же подводное плавание уже не приносило радости.

– Напоминаю еще раз, – сказал я, глядя на Ольгу, которая все еще боролась со своим дурным предчувствием. – На глубине существуют только два сигнала. Первый – «Все отлично, о'кей!» – Я сложил из пальцев букву «О». – Второй – «Мне надо наверх!» – Я показал кулак с оттопыренным вверх большим пальцем.

Я выволок из-под кормовой банки еще один акваланг. Тот гроыхнул по железу, как колокол.

– Мне этот не нравится, – сказала Марина. – У него цифры плохие! На «тринадцать» заканчиваются!

«Так она еще и суеверная!» – подумал я и, взглянув на Ольгу, которая стягивала на затылке волосы алой ленточкой, спросил:

– А тебе нравится этот акваланг?

– Ой, не нервируй меня! – нервно ответила Ольга. – Мне все равно!

– Может быть, ты останешься? – спросил Олег жену, видя, что ее нервная система на пределе.

Та отрицательно покачала головой. Я впервые видел такую самоотверженную трусиху. Подводное плавание с аквалангом на маленькой глубине – безобидное развлечение, в котором доля риска ничтожно мала. Молодая жена, наверное, была слишком впечатлительна. Медленно, будто прощаясь с жизнью, она сняла с себя сарафан, оставшись в пронзительно-изумрудном купальнике, и посмотрела на акваланг, как на бомбу.

Я быстро, как хирург-стоматолог действует щипцами, накинул лямки акваланга на плечи молодой жены и опустил ей на грудь соединение шлангов с загубником. Олег поднял оставшийся акваланг с несчастливой цифрой «13» и, демонстрируя силу, легко подбросил его одной рукой и поймал плечом лямку.

Я натянул на ноги ласты, перелез через борт и по грудь опустил в воду. Марина перекрестилась, поклонилась скале и последовала за мной. Блаженны верующие! Молодожены еще прыгали по лодке, надевая ласты. Они были похожи на лунатиков, исполняющих танец маленьких лебедей. У Марины дрожал подбородок и посинели губы. Третьим в воду вошел Олег. Он где-то видел, что аквалангисты прыгают спиной назад и, проделав этот трюк без маски на лице, ушел под воду с головой. Потом он шумно сплевывал воду и сморкался.

Я терпеливо ждал, когда все освоятся в воде и будут готовы воспринимать мои команды. Учительство требует железных нервов и умения видеть предмет глазами ученика. Призывая всех следовать за мной, я махнул рукой и нырнул. Некоторое время я видел лишь три пары ног, взбивающих воду ластами на фоне черного пятна лодочного днища; затем, растопырив ноги и руки, под воду опустил Олег. Воздух, который он выдыхал, перламутровыми пузырями струился из легочника, и казалось, что пузыри выходят из головы молодого мужа. Он осмотрелся, убедившись, что жив, свободно дышит и ему ничто не угрожает, качнул ногами и быстро пошел в глубину, проскользнув подо мной. Пришлось хватать его за лодыжку, притягивать к себе и демонстрировать нестандартный жест – поднести к маске кулак.

Затем рядом повисли девушки. Купальник Ольги цвета морской волны слился с донной синевой, и казалось, что ноги девушки плывут отдельно от туловища и туловище – отдельно от плеч. Марина плясала, словно только что вылупившийся из икринки головастик. Она делала массу бесполезных и хаотических движений, переворачивалась вниз головой, кружилась волчком и, прижав голову к коленям, вращала медленное подводное сальто.

Я глубоко вздохнул, и воздушные пузыри с трамвайным грохотом, сотрясая баллоны, мягко окутали мой затылок. Привлекая всеобщее внимание, поднял руку. Мои ученики тотчас отреагировали, показывая, словно кукиши, сложенные пальцами буквы «О». О'кей – так о'кей, подумал я, не опекая молодоженов, которые, взявшись за руки, устремились под меня. Их коричневые тела преломились в солнечных лучах, которые золотыми спицами пронзали толщу воды, и, оставляя за собой шлейф пузырьков, растаяли в тени исполинской мохнатой скалы, покрытой водорослями и гроздьями мидий.

Марина дрыгала худенькими ножками у меня перед глазами, и я чувствовал лицом теплый накат воды. Я хотел коснуться ее руки, чтобы успокоить, но неожиданно на вдохе в моем шланге захрипело. Водяные капли попали мне в горло, я с трудом сдержал спазматический кашель. Со мной такого никогда не случалось, и я подумал, что, должно быть, вода

каким-то образом просочилась между зубами и загубником. Чтобы удалить из шланга воду, я сделал сильный выдох. Легочник задрожал от роя пузырей, которые пощекотали мне затылок. Ерунда, подумал я, все обойдется, и сделал глубокий вдох, но втянул в себя не воздух, а холодную воду.

Глава 2

Машинально вырывая изо рта загубник и глотая воду, я выскочил на поверхность, как ватерпольный мяч, хрипло вскрикнул и тотчас зашелся в кашле.

– Черт возьми! – ревел я, чувствуя испуг и стыд оттого, что едва не захлебнулся на глазах у своих учеников.

Я быстро пришел в себя и первым делом осмотрел шланг, болтающийся, как амулет, у меня на груди. Я ожидал увидеть глубокий разрыв, но внешне шланг выглядел целым.

– Что за ерунда? – вслух подумал я и хотел было сунуть загубник в рот и снова уйти под воду, как в нескольких метрах от меня шумно всплыла Марина и, сорвав с лица маску, стала кашлять и плевать.

– Господи, господи, я чуть не утонула!! Я захлебнулась!! Мне в горло попала вода!!

Она отчаянно лупила руками по воде и пыталась скинуть баллоны. Я не успел поймать маску, которую Марина откинула в сторону, и та, сверкнув стеклом, быстро погрузилась в воду.

– Не психуй! – закричал я. – Успокойся! Плыви к лодке!

Она не слушала меня, продолжая изо всех сил раздавать волнам пощечины. Одна лямка соскочила с ее плеча. Опасаясь, что через мгновение вслед за маской под воду уйдут баллоны, я подхватил Марину под мышки и заорал ей на ухо:

– Прекрати дергаться!! Ты не тонешь!! Все в порядке!! Не скидывай акваланг!

Это не действовало. Марина шарахнулась от меня, словно я намеревался окунуть ее в воду.

– Отпустите меня!! Все утонули, и я сейчас утону!! Не трогайте, не то я стану кусаться!!

Она извивалась в моих руках, словно огромная рыба, и норовила залепить мне пощечину. Я опередил ее и несильно шлепнул девушку по щеке.

– Прекрати!! – с угрозой в голосе крикнул я. – Никто не утонул! Плыви на лодку!

Марина все еще отхаркивала воду, икала, всхлипывала и трясла головой, но позволила мне отбуксировать ее к лодке, которая покачивалась на волнах метрах в двадцати от нас. Когда она ухватила руками за борт, я стащил с нее акваланг, перекинул его в лодку, а потом помог девушке забраться на борт. Она села на кормовое сиденье, сжалась в комок. Ее подбородок крупно дрожал, рыжие волосы тонкими прядями налипли на лоб и щеки. В глазах Марины стоял мокрый ужас.

Я влез в лодку и подал ей полотенце. Марина не прикоснулась к нему. Тогда я повесил полотенце ей на голову и улыбнулся.

– Ну что, малышка, разок глотнула водички и испугалась?

Лишь бы не паниковала, не разнесла по всему побережью, что с нами случилось, думал я. Странно все же, что мы оба почти одновременно хлебнули воды.

Я подтащил к себе свой акваланг и еще раз осмотрел шланги и загубник. Как будто все цело. Никаких внешних повреждений не было заметно и на акваланге Марины. Приставил ко рту загубник, сделал вдох. В легочнике забулькала вода.

– Согрелась? – спросил я, стараясь не показывать своего волнения.

– Они утонули, – сказала Марина неожиданно спокойным и твердым голосом.

– Кто? – зачем-то переспросил я.

– Оля и Олег.

– Не говори ерунды! – Я снисходительно усмехнулся, хотя от слов Марины мне стало не по себе. – Почему они должны были утонуть?

– Они захлебнулись. Как мы.

– Не выдумывай, – ответил я, уже не в силах справиться с леденящим чувством ужаса и, натянув на лицо маску, прыгнул в воду.

Без акваланга я не мог погрузиться на большую глубину. Кроме того, вода помутнела, в ней появилась взвесь, и я не смог ничего разглядеть. Вынырнул, отдышался и снова ушел под воду.

Я нырял раз десять, и с каждым разом мне становилось все страшнее. «Не может быть, – мысленно повторял, барражируя под водой вдоль скальной стены, – не может быть. Не дай бог!»

Когда у меня уже не было сил нырять и перед глазами поплыли темные круги, я ухватился за борт лодки и повис на нем, не смея поднять на Марину глаза.

– Они, наверное, далеко уплыли, – произнес я, пытаясь убедить самого себя в этом. – Под водой можно плыть очень быстро. Я тебе точно говорю: они где-то там вышли на берег и отдыхают.

Марина вытирала полотенцем свои огненные волосы.

– Они уже у бога, – ответила она тем же бесстрастным голосом.

– Замолчи! – крикнул я. – Ты дура! Ты ничего не понимаешь!

– А вы убийца.

Я с силой врезал кулаком по лодочному борту и запрыгнул на моторку с такой прытью, словно меня за пятку лизнула акула. Марина испугалась. Она прижала мокрое полотенце к груди, прикрываясь им как щитом, и негромко заскулила.

– Включи свои глупые мозги, невеста бога! – закричал я, потрясая перед ее лицом кулаком. – Все акваланги были исправны, я вчера их накачивал воздухом и проверял!

– А мы? – упрямо твердила она, все еще со страхом глядя на меня. – А мы? Почему мы захлебнулись?

Я не ответил, скрипнул зубами и, раскачивая лодку, кинулся к кормовому люку, где стояли канистры с бензином и лежали инструменты. Взял отвертку, сел верхом на свой акваланг, словно намеревался кастрировать кабана, и принялся развинчивать легочник. Дюралевый колпачок со звоном покатился по металлическому полу. Я встал на колени, чтобы лучше рассмотреть резиновую мембрану, и в первое мгновение не поверил глазам. Тонкий резиновый кружок был разорван, как если бы его проткнули пальцем. Кривая линия разрыва шла от центра к краю.

Марина молча наблюдала за мной. Видя, что я чем-то шокирован, она не задавала вопросов, опасаясь моей бурной реакции. Я снова склонился над легочником. Ближе к центру резинка имела ровный и тонкий разрыв, очень напоминающий разрез, след бритвенного лезвия. К краю тянулась неровная дыра с рваными краями. Так мембрана могла порваться под воздействием сильного выдоха. Но она бы никогда не порвалась сама, если бы ее не надрезали.

Оттолкнув Марину, я схватил ее акваланг, выволок его на свободное место и, уже почти не сомневаясь в том, что сейчас увижу, стал яростно, срезая с винта стружку, орудовать отверткой.

– Так, – прошептал я, глядя на рваную мембрану, как на омерзительного морского гада. – И здесь надрез... Кто-то нехорошо пошутил. Очень нехорошо... Ты свидетель, запоминай все, что видишь.

Ничего не понимая, испуганная ожиданием страшной новости, Марина начала неистово креститься и что-то нашептывать. Я выпрямился и, покусывая губы, минуту рассматривал угрюмые черные скалы, обступившие бухту, потом сел за руль, запустил мотор и медленно повел лодку вдоль стены.

– Я видела, как Оля сорвала загубник и закрыла руками рот, – произнесла Марина. – А потом мне тоже попала в горло вода, и я поплыла наверх.

Лодка легла на правый борт, сделала крутой вираж и пошла обратно.

– А ты не врешь? – спросил я, не оборачиваясь.

– Не вру.

Давно со мной не случалось ничего подобного, подумал я. Кажется, на этот раз я вляпался очень серьезно. Лицензии на подводные экскурсии у меня нет. Акваланги – списанные, мне их добыл один знакомый мичман. Предупреждал: их надо отвезти в Симферополь и проверить в специальной лаборатории под высоким давлением. Я этого не сделал. Без лицензии и лабораторной проверки аквалангов несчастный случай с клиентом будет расцениваться как преступная халатность. Подсудное дело.

Я смотрел на часы. Цифры, показывающие секунды, мельтешили, корчились и кишели, словно черви. Время бежало с ускорением, и мне уже казалось, что я слышу его нарастающий вой. «Бред, – снова мысленно повторил я, – не может быть. Сейчас я услышу всплеск воды, а вслед за этим восторженные крики Олега и Ольги: «Эй, на лодке! А вы про нас, наверное, уже забыли? Смотрите, сколько мы насобирали крабов! Сейчас будем им лапы отрывать!» А я медленно повернулся в их сторону и спокойно, без истерики, выскажу все, что о них думаю. И сегодня же выставлю их на улицу. Жить у меня они больше не будут, тем более что вторую неделю не платят денег. Да, денег они не платят»...

Какое-то неуловимое чувство коснулось души, словно на обожженную кожу нанесли прохладную смягчающую мазь. В самом деле, мне люди кажутся всегда намного проще, чем они есть на самом деле. Неделю назад молодоженов обокрали на городском пляже – унесли портмоне, в котором были все деньги и билеты на обратный путь. В ожидании почтового перевода из Москвы они попросили меня немного пожить в долг. Разве я мог отказать?

Глава 3

– Высадите меня на берег, – попросила Марина. Она облачилась в черную юбку и кофту, зачесала волосы на затылок и связала тугим клубком.

– Зачем? – Я тихо греб одним веслом, медленно продвигаясь вдоль скальной стены и всматриваясь в зеленую бездну бухты.

– Мне страшно. Здесь пахнет утопленниками.

– Когда же ты прекратишь каркать?! – прикрикнул я, замечая, что мой голос совсем ослаб и даже при всем своем желании я не могу казаться спокойным.

– Вы держите грех на душе. Вам надо пойти к батюшке и покаяться.

Я ударил веслом по воде. Брызги попали Марине на лицо. Она медленно приподняла подол юбки и вытерлась.

– Бог все видит, – прошептала она.

«Бог видит, что эта девчонка выводит меня из себя». Я с грохотом кинул весло под ноги.

– А я не верю! – громко сказал я, нависая над девушкой и крепко сжимая ее худенькое плечо. – Не верю, что двое здоровых молодых людей погибли оттого, что легочник стал слегка подсасывать воду! Так не бывает! Ты же не утонула? Почему ты не захлебнулась и не пошла ко дну?

– Они были глубже и не успели выплыть.

– А мне кажется, что они выплыли, но только в другом месте.

Марина смотрела на меня и моргала своими белесыми ресницами.

– Что вы такое говорите? Зачем им выплывать в другом месте?

Мне очень хотелось рассказать Марине о том, что на свете еще не перевелись мошенники и ловкачи, но промолчал. Хорошо, если молодожены действительно таким странным способом унесли ноги, не расплатившись за жилье. А если, не дай бог, в самом деле нахлебались соленой водицы и сейчас лежат на дне?

Я сел за руль, запустил мотор, сделал прощальный круг по бухте и взял курс на Судак. Прошел час с того момента, как молодожены скрылись под водой. Ждать их появления на поверхности воды уже не было никакого смысла. Либо они сейчас дышали чистым морским воздухом, спрятавшись где-то среди каменного хаоса, либо не дышали вовсе.

– Ольга и Олег не хотели, чтобы мыплыли за ними, – пояснил я.

– Почему?

– Потому что они должны мне семьдесят долларов.

Мы обогнули мыс Пещерный и погнали напрямик к гроту Голицына.

– Ничего не понимаю, – после недолгой паузы сказала Марина и откинулась на спинку сиденья.

– Поймешь, когда мы заглянем к ним в комнату, – ответил я. – Мы должны убедиться, что в номере нашей сладкой парочки нет личных вещей.

– Нехорошо так говорить об усопших, – ответила Марина.

– А про лукавых можно так говорить?

Марина не ответила, а я почувствовал, как гнетущая тяжесть спала с души. Самовнушение – великая вещь. Я нашел логическое объяснение случившемуся, и в нем не было ни одного изъяна.

Когда лодка коснулась берега, Марина сняла босоножки, взяла их в руку, соскочила с бака на песок и быстро пошла по пляжу на набережную.

Я догнал ее и схватил за руку.

– Ты куда?

– В церковь, – ответила девушка и потупила взор. – Поставлю свечу Чудотворцу за упокой душ усопших...

– Вот что, Маринка, – сказал я, обнимая девушку за плечи и подводя к лодке. – Ты мне ямку не рой, по-хорошему прошу тебя. Пока что еще ничего страшного не случилось.

– Молитесь богу, – посоветовала она.

– Это что-нибудь даст?

– Обязательно даст. Научить вас молитве?

– Научишь, когда мне уже ничего другого не останется. А сейчас скажи: ты видела, куда я вчера вечером сложил акваланги?

– Акваланги? – переспросила Марина, оттягивая время, и, вопросительно взглянув на меня, предположила: – В коридоре?

– Правильно, – ответил я тоном нетерпеливого учителя, которому хочется, чтобы ученица отвечала решительнее и быстрее. – Акваланги стояли в конце коридора, у торцевого окна, то есть рядом с твоей комнатой. Еще не было девяти часов, когда я вместе с Сашей затащил их наверх. Ты это хорошо помнишь?

– Вроде да.

– Акваланги стояли там весь вечер и всю ночь. Именно в эти часы какой-то хулиган развинтил легочники и порезал мембраны. Чужой в гостиницу не зайдет, значит, это сделал кто-то из моих постояльцев.

– Что вы говорите! – с деланным изумлением ответила Марина, внимательно глядя на ступени. – Кто же это мог сделать? Ведь это большой грех!

– Большой, – согласился я. – А потому я прошу тебя, как человека честного, почитающего божьи заповеди, припомнить, не видела ли ты кого-нибудь рядом с аквалангами.

– Рядом? – Марина наморщила конопатую переносицу и даже приставила пальчик ко лбу. – Отец Агап стоял у окна... Да, он стоял у окна и читал Новый Завет. Уже было темно, но напротив окна большой ночной фонарь, как луна... Отец Агап всегда в это время читает Евангелие.

– Что-то раньше я не замечал за ним такой привычки. Что ж ему мешает читать Евангелие во дворе, за столом?

Марина пожала плечами.

– Не знаю. Может быть, ему нравится читать и смотреть на море и лунную дорожку. Из двора ведь ничего не видно, и музыка очень громко играет.

– Разве вчера в пансионате были танцы?

– Да, там по нечетным числам танцы. А вчера как раз девятнадцатое число было.

– А что ты делала в это время? Ходила на танцы?

– Что вы! – на этот раз искренне возмутилась Марина. – Я на танцы не хожу.

– Это почему же так? Отец Агап не разрешает?

– При чем здесь отец Агап? – Марина искоса взглянула на меня. Взгляд был неприятным. – Священник всего лишь мой духовный наставник. Он мне не начальник.

Когда мы зашли во дворик кафе, то первое, что я увидел, было перекошенное от гнева лицо Валерия Петровича, моего постояльца. Он стоял на мокром, еще не высохшем после поливки бетонном полу, подбоченив руки, и смотрел на нас с Мариной затуманенными глазами.

– Наконец-то! – едва разжимая зубы, процедил он. – Хозяин явился! Так сказать, генеральный президент нашей вшивой гостиницы! «Новый русский» крымско-украинской закваски, черт вас всех подери!

Я успел привыкнуть к хамоватой манере разговора Валерия Петровича и, не проявляя никакого интереса к потоку плоского остроумия, прошел мимо, даже не удостоив постояльца

взглядом. Сашка суеился за стойкой, делая массу беспорядочных движений, и с испугом поглядывал на меня из-под выцветших белесых бровей.

– Что с ним? – я кивнул в сторону Валерия Петровича.

– Обокрали... два номера, – с трудом ворочая языком, произнес Сашка. – Его и еще один, напротив.

Мне показалось, что он заработает грыжу, если попытается поднять на меня глаза.

Глава 4

Валерий Петрович требовал сатисфакции, но чем сильнее распалялся его гнев, тем круче он витийствовал, тем выше была степень его самолюбования, однако говорил он негромко, даже тихо.

– Я же вас спрашивал о посторонних, – плохо проговаривая слова, произнес он. – Вы же давали мне гарантии.

– Что случилось? – спросила его Марина. Голос ее был сухим, глуховатым. Она подошла к Валерию Петровичу почти вплотную.

– Ничего, моя дорогая, ничего такого, что могло бы встревожить твою убаженную молитвами душу, – ответил Валерий Петрович, избегая смотреть в глаза Марине. – Тем не менее, все чрезвычайно грустно. Чудес не бывает! Как воровали в совковых гостиницах, так воруют и в частных! – Он снова переключил внимание на меня. – Грустно, господин директор! Мне ничего не остается, как заявить о случившемся в милицию. Это, безусловно, скажется на репутации вашего заведения, но другого выхода я не вижу.

– Если поедете автобусом, то выходить надо на третьей остановке, – сказал я. – Если пешком, то по набережной до «пятачка», а там вверх, за санаторий.

– Вы о чем? Я не пойму, о чем вы?

– О милиции, – объяснил я и стал подниматься по лестнице наверх.

Я сначала подошел к распахнутой настежь двери номера люкс. Ожидая увидеть совсем другое, я едва не вскрикнул. Обокрали – это было сказано слишком мягко. Номер Валерия Петровича обыскали, перевернув все вверх дном, и теперь комнаты напоминали картину Репина «Арест пропагандиста». Створки шифоньера были открыты, рубашки, майки, носки валялись на полу. Журнальный столик, словно скатертью, был накрыт полотенцем, и поверх него лежала груда осколков керамической вазы – злоумышленнику зачем-то понадобилось ее разбить, и разбивал он вазу, по-видимому, завернув в полотенце, чтобы не создавать лишнего шума. Сухая можжевельная ветка валялась на полу, и ее иголки усеяли ковровое покрытие. Телевизор вместе с тумбой был выдвинут на середину комнаты. Холодильник раскрыт, и пустая морозильная камера зияла черной пустотой.

В спальне царил не меньший погром. Матрацы кровати валялись на полу, а сверху них – книги и тетради.

Валерий Петрович, слегка потеснив меня, зашел в номер, повернулся ко мне лицом и, широко расставив ноги, сунул руки в карманы.

– Ну? – спросил он таким голосом, словно торговец предлагал хороший товар. – Как вам это нравится? Впечатляюще смотрится, не правда ли?

Он поддел ногой ветку можжевельника. Ветка взлетела и повисла на шторах.

Я молча повернулся и подошел к двери номера молодоженов. Здесь сработали грубее: замок был выбит вместе с большой щепкой, оторвавшейся от косяка. Зайдя в комнату, я увидел то, что, в общем-то, ожидал увидеть – ни на полках, ни в шкафу, ни в умывальнике не осталось ни одной вещи, принадлежавшей постояльцам. Настроение стремительно пошло вверх. Я почувствовал себя почти счастливым.

Многозначительно глянув в глаза Марине, я снова повернулся к Валерию Петровичу.

– Что у вас украли? – спросил я.

Валерий Петрович, словно забыв, что именно у него украли, обвел взглядом комнату.

– Этого я еще окончательно не выяснил.

– Деньги на месте?

– К счастью.

– Где вы их хранили?

Я все еще не мог избавиться от этой скверной привычки – в первую очередь выяснять мотивы поступка. Это осталось от прежнего занятия частным сыском.

– Где я хранил деньги? – переспросил Валерий Петрович, попутно раздумывая, раскрывать мне эту тайну или нет. – Я хранил их в одном из ящиков стола. В бумажнике.

– Стол тоже обыскали?

– Да, все ящики выдвинуты.

– Но деньги, тем не менее, остались целы?

– Представьте себе, да!

– Значит, вор действовал целенаправленно, но искал не деньги, – произнес я, вздохнул и, поворачиваясь, чтобы уйти, добавил: – Пишите заявление в милицию, освобождайте номер. Я готов вернуть вам все по квитанции.

– О! Какое благородство! Господин директор готов вернуть мне вшивые четыреста долларов и торопит с написанием заявления. Железная выдержка! Знаете... э-э-э, забыл, как вас звать... меня просто бесит, с какой покорностью вы ставите крест на своем бизнесе. Вы хоть бы для приличия посочувствовали мне и попросили тихо замять дело.

Вот чего ему не хватало! Его раздражало мое равнодушие. Он ожидал увидеть, как я буду слезно умолять его не поднимать шум, как я кинусь собирать раскиданные по полу вещи, как громогласно объявлю выговоры и лишу премий всех своих сотрудников, и моя индифферентность возмутила его больше, чем сам факт обыска в номере.

Глава 5

Не успел я закрыть за собой дверь кабинета и рухнуть в кресло, как ко мне постучались.

– Меня нет! – рявкнул я, прикрывая глаза ладонью, словно дверь должна была разорваться ослепительным пламенем.

Тот, кто стучался, не поверил, тихо приоткрыл дверь, и в образовавшейся щели я увидел конопатый нос Марины.

– Что тебе? – спросил я более сдержанно и только сейчас понял, что готов портить отношения с кем угодно, но только не с ней. С этого едва намечающегося угодничества, должно быть, и начинается рождаться страх.

– Вы позволите мне зайти? – спросила она, сверкая глазками и сдерживая проблеск улыбки. По ее лицу я понял, что она намерена вить из меня веревки.

Я промолчал. Марина кошкой скользнула в кабинет и тихо прикрыла за собой дверь.

– Лучше будет, если отчим не узнает, что я была у вас, – сказала она, подошла к окну и посмотрела вниз.

– Кто не узнает? – не понял я.

Марина рассматривала груды старой радиоаппаратуры, запыленные поделки из ракушек рапанов, стоящие на полках, акварели с причудливыми морскими пейзажами и безобразных чудовищ, сплетенных из пеньковой веревки.

– Это вы все сами сделали? – спросила она, снимая с полки отполированную корягу из можжевельника, напоминающую подсвечник.

Я терпел. Марина вовсе не интересовалась игрушками, она хотела показать, что хозяйка положения – она, и потому может вести себя так, как ей хочется.

– Мне вас жалко, – произнесла она, возвращая подсвечник на место и поворачиваясь лицом ко мне. – Такие неприятности в один день! Бог, должно быть, решил испытать вас... А это правда, что если Валерий Петрович напишет заявление в милицию, то вашу гостиницу могут закрыть?

Я смотрел в глаза Марины. Это были тяжелые от раскаяний, с блуждающим взглядом, безликие глаза верующей молодки.

– Ты видела, что вещей в номере молодоженов нет?! – взорвался я. – Видела?! Еще вопросы есть?! Что ты от меня еще хочешь?

– Я? – переспросила она, разыгрывая удивление. – От вас ничего не хочу. Напротив, я хотела бы вам помочь.

– Ты полагаешь, что я нуждаюсь в помощи?

– Конечно! Вы должны вымолить прощение и покровительство господ.

– Молитвами?

– Не только. Надо совершить богоугодные дела.

– А какие же дела, к примеру, можно считать богоугодными?

– Помощь ближнему, к примеру. Вы помогаете своему ближнему, а господь помогает вам.

– Значит, ты все-таки что-то хочешь от меня?

– Не я! – Марина отрицательно покачала головой и закатила вверх глазки. – Господь хочет! И он хочет, чтобы вы помогли моему отчиму.

– А кто твой отчим?

– Профессор Курахов.

– Не знаю такого.

Марина усмехнулась и снова покачала рыжей головкой.

– Неправда! Вы его хорошо знаете. Валерий Петрович и есть профессор Курахов, мой отчим.

Марина полусидела на моем столе и, заведя белые руки за голову, плела косу. Черное резиновое кольцо она держала в зубах, и оттого ее речь была невнятной.

– Не знал, что вы состоите в родственных отношениях, – сказал я. – Во всяком случае, со стороны это не заметно. А почему ты живешь от него отдельно?

– Мы привыкли скрывать от людей свои чувства, – с грустью сказала Марина. – После страшной гибели моей мамы у меня нет более близкого человека. К тому же Курахов такой доверчивый, такой наивный! Потому я и приехала вместе с ним, что боюсь оставлять его одного.

– Вы живете в Киеве? В одной квартире?

– Теперь уже нет. Как погибла мама, профессор вернулся к себе в академгородок.

– Так чем я могу помочь твоему отчиму? – с некоторым раздражением спросил я.

Марина поднесла к губам палец и взглянула на меня с укором.

– Говорите, пожалуйста, потише. Курахов может услышать.

Она опустила в кресло напротив меня, и я невольно скользнул взглядом по ее покусанным комарами ногам, виднеющимся из-под старой черной юбки.

– До недавнего времени отчим заведовал кафедрой истории, – сказала Марина, ожидая увидеть в моих глазах проблески воспоминаний. – Вы, наверное, учились в нашем университете?

– В вашем? Нет.

– Значит, меня неправильно проинформировали.

– Если можно, поконкретнее, – поторопил я девушку. – Что я должен сделать для профессора?

Марина взглянула на меня так, словно я не мог понять совершенно очевидных вещей.

– Это вы сами решите после того, как я все расскажу... Ему угрожают, его хотят убить, – неожиданно отчетливо произнесла Марина и посмотрела на меня, чтобы увидеть, какое впечатление произведут на меня эти слова.

– Кто угрожает?

Девушка пожала плечами.

– Не знаю. От него требуют какой-то исторический материал о средневековом консуле. В Киеве какой-то человек дважды звонил ему по телефону. Теперь вот этот обыск.

– Марина, а при чем здесь я?

– Курахов не хочет обращаться в милицию, он уверен, что она ничем ему не поможет, лишь наведет ненужный шум. К тому же он подозревает, что милиция действует заодно с вымогателем. Ему нужен частный детектив.

Ах, вот в чем дело! Давний обед отзывается икотой и изжогой. Марина предлагала мне войти второй раз в ту же реку.

– Стоп! – прервал я Марину. – Ты ошиблась. Ты обратилась не по адресу.

– Что значит – не по адресу?

– Я давно уже не занимаюсь частным сыском. У меня просрочена лицензия, я не слежу за юридическими актами, я утратил навыки... И вообще, мне надоела эта работа.

– А если в порядке исключения? – вкрадчивым голосом спросила Марина.

– Мне очень жаль, но даже в порядке исключения я не буду заниматься твоим отчимом.

– Я на вас надеялась, – сказала она сухо. – Имейте в виду, что если профессор обратится за помощью в милицию, то вашу гостиницу прикроют.

– Вполне может быть, – согласился я.

Марина рассматривала мое лицо так, как если бы на нем был написан мелкий, неразборчивый, но очень интересный текст.

– И тогда милиции сразу станет известно о том, – медленно произнесла она, – что произошло сегодня утром в заповеднике.

– Ты хочешь сказать, что милиции это станет известно не без твоей помощи? – уточнил я.

– Возможно. На то божья воля – тайное делать явным.

Я поднялся с кресла, подошел к Марине, взял ее за руку и поднял на ноги. Девушка со скрытым страхом смотрела мне в глаза.

– Я даю вам шанс, – пролепетала она, – искупить свой грех перед богом. Если вас сегодня же заберут и посадят в тюрьму, то вы не успеете принести пользу ближнему своему и отыскать злодея, который испортил акваланги.

– Ты слишком преувеличиваешь мои возможности, девочка, – сказал я, аккуратно и сильно подталкивая Марину к двери.

– Нет, не преувеличиваю. Я многое о вас знаю. Вы талантливый сыщик!

– Это твое глубокое заблуждение. Я ничем не могу быть полезен ни богу, ни твоему отчиму.

– Вы пожалеете, если откажетесь, – торопясь, произнесла Марина. До двери оставалось несколько шагов.

– Это уже похоже на угрозу.

– Нет, нет! Вы ошибаетесь! Чем может угрожать сильному мужчине слабая и беззащитная девушка? Я могу только просить вас.

– Еще раз повторяю: я не занимаюсь детективным расследованием.

Марина сжала пухлые губы. Шея, на которой болтался замусоленный шнурок с крестиком, покрылась красными пятнами.

– Вы меня разочаровали, – произнесла она. – Вы, наверное, трус?

– Может быть, – ответил я безразличным тоном. Оскорбления не причиняли мне вреда. – Тебя проводить или сама спустишься?

– Можете не утруждать себя, – ответила Марина и, почувствовав спиной дверь, повернулась к ней лицом. – Родившийся слабым достоин сострадания и жалости, а сильный человек, ставший слабым, достоин презрения.

Она грохнула дверью, захлопнув ее перед моим носом.

«Что там она изрекла? – вспоминал я, принюхиваясь к горьковатому запаху ладана, коим была пропитана кофточка Марины. – Родившийся сильным достоин слабости? Или достойный презрения рождается сильным?.. Как бы то ни было, но, кажется, меня ожидают крупные неприятности».

* * *

Не помню точно, когда это началось. Я научился чувствовать ее взгляд.

– Что? – спросил я, не поднимая головы. Наконечник паяльника соскользнул с блестящей капельки застывшего олова и задел тонкий зеленый проводок. Едкий дым обжег глаза, и я зажмурился, чувствуя, что сейчас прольются слезы. – Что, Анна?!

– Почему ты ей отказал? – спросила Анна сдержанно. Ей шел белый костюм с короткой юбкой, который она обычно надевала в рабочее время. Светло-русые волосы волной опускались на воротник пиджака с петлицами из золотой вышивки. Светлые брови и глаза цвета утреннего моря контрастно выделялись на загорелом лице. Анна напоминала стюардессу с рекламного плаката: строгая, собранная, безупречно аккуратная.

Я протянул руку к ее лицу и коснулся пальцами золотой сережки.

– Ты очень взволнованна. Выпей мятного ликера и полежи.

– Да, я взволнованна, – ответила она, отстраняя мою руку. – Я давно уже взволнованна, и мне вряд ли поможет мятный ликер.

– А что тебе поможет?

Она не ответила, села в то же кресло, где несколько минут назад сидела Марина. Мне легче было вести с Анной разговор стоя, и я лишь прислонился спиной к оконной раме, скрестив на груди руки.

– Что с тобой, Анна?

Она не раздумывала над ответом, она давно была готова высказать мне все, что наболело.

– Мне все надоело, Кирилл.

– Что – все?

– Я еще молода, – делая большие интервалы между словами, произнесла она. – Но мне кажется, что все лучшее осталось позади и что в моей жизни уже ничего, кроме этого кафе, сонных посетителей, кидающих купюры на прилавки, и этих каменных стен, не будет.

– Но ты же сама мечтала о такой жизни! – ответил я, стараясь говорить как можно более ласково. – Ты хотела, чтобы я оставил частный сыск, чтобы у нас был свой дом...

– Эта сладкая действительность оказалась не такой, какой я себе ее представляла, – глухим голосом произнесла она, опустив глаза. – Я ошиблась.

Я встал. Злость заклокотала во мне, словно от одного поворота ключа запустился хорошо отрегулированный двигатель. Я мысленно сосчитал до десяти – это всегда помогало мне в подобные минуты удержать себя от резких слов и движений.

– Если тебе мало острых ощущений, – медленно сказал я, – то можешь попрыгать со скалы в море...

– Ну все, хватит! – перебила меня Анна. – Не то мы сейчас наговорим друг другу столько, что вовек из души не вычистишь... Почему ты отказал Марине?

«Рассказать ей о том, что произошло утром, или нет? – думал я. – Господи, что с нами случилось? Раз я задумался об этом, значит, уже не доверяю Анне как прежде. Значит, боюсь доверить ей свои тайны».

– Ты все забыла?! – спросил я. – И ты уже не помнишь, что сама умоляла меня прекратить соваться в криминальное болото?

«Если бы ты знала, что случилось утром, – думал я, рассматривая красивые глаза Анны. – Тот, кто испортил акваланги, был уверен, что я сделаю все возможное, чтобы милиция не узнала о шмоне в номере Курахова. А потому все надо делать вопреки. Пусть Курахов пишет заявление. Так будет лучше».

– Чао, милый! – Анна поднялась с кресла. – Сиди здесь и обслуживай клиентов. Главное, всегда оставайся верным своему слову!

Анна закончила разговор, хлопнув дверью. И почему женщины так любят ставить точку этим способом?

Я подскочил к окну, приоткрыл стеклянную мозаику, через щель глядя вниз. «Остынет, – подумал я, но без особой надежды. – Разобьет пару стаканов и остынет. И все вернется на круги своя. Она будет стоять за стойкой бара, а я рыть бассейн и ковыряться в поломанных магнитофонах».

На меня вдруг нахлынула такая тоска, что я поморщился, прикрыл окно, сел за стол и обхватил голову руками. «Это ломка, – подумал я. – Меня, как наркомана к игле, снова тянет к той дьявольской работе, воспоминания о которой вот уже почти два года я тщетно пытаюсь похоронить. Я думал: так лучше будет для нее, для нашей семьи, которую мы безуспешно строим уже несколько лет подряд».

Глава 6

Сашку я выдрессировал неплохо, хотя до конца выбить из него лень мне так и не удалось. Он зашевелился на стуле, нехотя выполз из него.

– Потрудишься не курить, разговаривая со мной, – сделал я ему замечание и тотчас почувствовал себя старым, вечно ворчащим занудой.

Сашка, сверкая аспидными стеклами непроницаемых очков, крутил головой, глядя то на дверь калитки, за которой скрылась Анна, то на меня, и не скрывал своего жгучего любопытства.

– Рита! – позвал я пятнадцатилетнюю школьницу, которая подрабатывала у меня в сезон посудомойкой. Когда девушка, вытирая руки полотенцем, вышла во двор, я сказал: – Назначаю тебя барменом. Какой у тебя был оклад?

– Пятнадцать долларов, – испуганно ответила девушка.

– Теперь будет пятьдесят.

– А как же Аня? – спросила обалдевшая от счастья посудомойка, хлопая глазами.

– Анна уволена! – ответил я достаточно громко, чтобы это услышали все работники гостиницы и кафе.

«Приключений ей захотелось! – думал я, непроизвольно пожимая плечами и дергая руками, как паралитик. – Спокойная жизнь ей стала в тягость! Она забыла, как свистят пули под носом! Искательница приключений, черт ее подери! Нет, я сыт уголовщиной по горло. Хватит!»

Сашка начал сервировать столы к обеду. Сначала он накрыл крайний справа стол, за которым обычно сидели Марина и отец Агап. Я, искоса наблюдая за ним, сел у стойки бара со стаканом холодного апельсинового сока. Сашка понес тарелки с окрошкой на второй стол, где еще сегодня утром завтракали молодожены. У меня дрогнуло сердце от тоски и боли. Неужели это правда, думал я, неужели они в самом деле захлебнулись? И никто, кроме меня и Марины, об этом не знает?

Мрачный, молчаливый, во дворе появился Валерий Петрович Курахов. На нем были белые шорты с черным ремнем, девственно-чистые кроссовки и майка цвета беж.

– Что сегодня на обед? – глухо спросил он, конкретно ни к кому не обращаясь и стараясь не встречаться со мной взглядом.

– Окрошка, свиные отбивные с картофелем, салат из свежих огурцов, мороженое, вино «Фетяска», – ответил Сашка.

– Отлично, – оценил профессор, протягивая букву «ч». – Мне тоже здесь накройте. В том вшивом свинарнике, именуемом номером люкс, у меня пропал аппетит.

Я заметил, что это была его устоявшаяся манера – все на свете оценивать баллом «отлично» и качественным параметром «вшивый». Этакий педикулезно-учительский максимализм.

– Только вина не надо! – повел рукой Курахов. – Не занимайтесь спаиванием клиентов. Если мне захочется выпить, то я сам выберу напиток по своему усмотрению, так сказать, без вашего участия.

Я смотрел на его белые плечи, шею и крепкие ноги и думал о том, что он, вопреки моему предположению, не понесет заявление в милицию. И вообще, он мужик более достойный, чем мне представлялось раньше. Вот только что за этим мужиком тянется, кто и почему ему угрожает и что может быть ценного в исторических документах?

Глава 7

Отец Агап, как всегда, опоздал к обеду минут на пятнадцать. Энергичный, возбужденный, словно только что с футбольного матча, он влетел во двор, пересек площадку для танцев и подошел к своему столику. Марина дожидалась его, сидя неподалеку с книжкой в руках. Завидев священника, она вскочила, отложила книжку и, смиренно опустив глаза, тоже встала у стола. Негромко, нараспев, отец Агап и девушка хором прочитали молитву, после чего сели. Было заметно, что Марина просто умирает с голоду и лишь усилием воли демонстрирует безразличие к пище материальной и послушание отцу Агапу.

Этот добрый чудак был моим первым постояльцем. Весной, когда мы закончили строительство гостиницы, его где-то откопала Анна, привела ко мне и сказала, что он будет освящать апартаменты: так, дескать, теперь модно. Отец Агап добросовестно отслужил по всем канонам, окропил стены гостиницы святой водичкой и в благодарность попросил приют. Понимая, что священник некредитоспособен, я предложил ему топчан в хозяйственном дворике, огороженный дырявой ширмой за доллар в сутки, включая питание. Отец Агап был несказанно счастлив. Он пообещал, что задержится у нас на неделю, от силы на две, но, периодически изгоняя бесов из комнат гостиницы и кафе, жил уже третий месяц и, кажется, прощаться не собирался.

Ходил он босым, в очень скромных брюках и рубашке. Из вещей у него был лишь старый, обитый металлическими уголками, тяжеленный чемодан, в котором он хранил церковную утварь. За прической, усами и бородой не следил, и взлохмаченная, неаккуратная растительность придавала лицу диковатый вид. Голос у него был высокий, почти женский, с приятным южнорусским акцентом. Он много ходил по побережью, встречался со служителями местных церквей, решал с ними какие-то благие вопросы, а попутно крестил в море всех желающих независимо от возраста, пола и национальности, что и составляло его основную статью доходов. Часто, в целях экономии, он ночевал на пляже, лежа на топчане солярия и завернувшись в одеяло. Как только Марина поселилась у меня, отец Агап взял ее под свою опеку, увидев в ней непорочную душу христианки. Девушка, по-моему, была этому рада, во всяком случае, общество отца Агапа ее не тяготило.

– Не надо брать целый кусок! – нравоучительно говорил священник Марине. – Отломи, отщипни немного... Нет-нет, забудь про нож, все надо делать руками. Хлеб – он ведь живой, сколько раз я тебе говорил!

Марина покорно отщипывала от хлебного ломтика, брала его губами и, как учил отец Агап, долго и с чувством жевала, прислушиваясь к ощущениям и внутреннему голосу.

– А еще можно посолить и положить сверху колечко лука, – продолжал отец Агап. – Вот, смотри, как я делаю... Не надо держать его, как бутерброд с красной икрой! Возьми крепко, всеми пальцами, прижми луковку! Так, теперь кусай!

Я бы непременно подавился, если бы меня так дрессировали за столом. Но Марина стоически терпела и добросовестно постигала уроки духовного потребления тленной пищи.

Столик, сервированный для молодоженов, все время попадал мне на глаза, как бельмо. Я еще верил в чудо, верил, что неожиданно откроется калитка и они, обалдевшие от моря и зноя, войдут во двор и сядут в тени зонта.

– Опаздывают? – спросил Сашка, кивая на пустой столик.

Он уставился на меня непроницаемыми стеклами очков. Мне показалось, что в его вопросе прозвучала едва уловимая ирония. Сорвать бы с него сейчас эти дурацкие очки и раздавить ногой!

– Убирай со стола.

– Они не придут?

– Нет, – сквозь зубы процедил я.

Я продолжал сидеть у стойки и тянуть апельсиновый сок. Моя воля была подавлена, я не знал, что мне делать, и чувствовал, как каждая минута бездействия все плотнее окутывает мое ближайшее будущее колючей проволокой.

Я нервно дернул головой – мысли мои были глупы, а вопросы наивны. Ну, допустим, Марина будет молчать еще день, два, три, неделю. Разве это решает проблему? Исчезновение двух людей вскоре заметят не только мои постояльцы. Могут поднять тревогу родственники...

О чем я? Разве проблема в том, сколько Марина будет молчать? Или в том, как скоро родственники поднимут тревогу? По моей вине погибли двое людей, и с этим тяжким грехом на душе, даже если меня не посадят в тюрьму, я уже не смогу спокойно жить.

Я потащил свинцовые ноги на лестницу. «Идти в милицию или не идти? – думал я. – Идти или нет?»

Я дошел до кабинета, постоял у двери, с ужасом глядя на медную табличку «ДИРЕКТОР», очень напоминающую надгробную, едва сдержался, чтобы не двинуть по ней кулаком, и вышел в коридор.

Бронзовая цифра «5» на двери злополучного профессорского номера чем-то напоминала крюк башенного крана. Присел на корточки, осмотрел замочную скважину. Дверь не выламывали, а аккуратно открыли либо ключом, либо отмычкой. В десять утра в коридоре мыла и пылесосила уборщица. В номерах она работала только по заявке клиентов и в их присутствии. Курахов ни сегодня, ни вчера уборщицу не вызывал. Около одиннадцати уборщица ушла. Профессор обнаружил, что его номер вскрыт, около часу дня. Значит, между одиннадцатью и часом дня. Именно в это время я с молодоженами и Мариной находился у берегов заповедника.

Меня затягивало, словно голодного человека в гастроном. Застарелые рефлекссы сыщика пробудились в одно мгновение, стремительно подавляя волю и разум. Я уже увлекся настолько, что встал на колени, рассматривая под разным углом замочную скважину и прикидывая, можно ли такой сложный замок открыть отмычкой. Дубликаты ключей, вспоминал я, хранятся только у меня в кабинете. Но очень часто я оставляю его незапертым. Это еще один урок – закрывать кабинет надо даже в том случае, если выхожу на минуту.

– Интересно? – раздался за моей спиной голос Курахова.

Профессор подошел столь тихо, что я даже не услышал его шагов. Я поднялся на ноги. Надо было что-то сказать, но всякая фраза сейчас звучала бы нелепо и смешно.

– На два оборота, – пояснил Курахов, как-то странно глядя на меня и переступая с пятки на носки и обратно. – Если можно было бы запереть на три, то непременно так бы и сделал. Чтобы не повторить ошибки...

Он вынул из кармана ключ с брелком, побряцал им и протянул мне.

– Хотите заглянуть?

– Спасибо, не имею такого желания, – ответил я холодно.

– Правда? – недоверчиво спросил профессор. – И никогда не хотелось? Трудно поверить в то, что директору частной гостиницы совершенно безразлично, кто живет под его крышей. А вдруг я преступник, скрывающийся от правосудия?

– Надеюсь, что это не так.

Курахов подошел к двери, вставил ключ в замок, но не провернул ключ до тех пор, пока я не пошел по коридору.

– Э-э-э... Голубчик! Опять забыл ваше имя! – позвал профессор. – Потрудитесь ужин доставить мне в этот, так сказать, номер люкс. Надеюсь к тому времени навести в нем надлежащий порядок.

– Вам нужна уборщица?

– Боже упаси! Мне как раз не хватало еще только уборщицы! – махнул рукой Курахов и быстро скрылся за дверью.

Кажется, он подозревает меня, подумал я, сворачивая в свой кабинет. Подошел к навесному шкафу, открыл его и посмотрел на плексигласовую коробку для запасных ключей. Все ключи были на месте.

* * *

Сашку я вызвал к себе по селекторной связи сразу после ужина. Он встал в дверях, пряча руку с зажженной сигаретой за спиной. Казалось, что у парня тлеют штаны на заднице.

– Бери машину, – сказал я, – слетай на набережную к старому причалу, вытащи из нашей моторки акваланги и привези их ко мне. На все – пятнадцать минут.

Сашка кивнул, по-солдатски повернулся на каблуках и, неимоверно шаркая туфлями, пошел вниз.

Когда официант появился снова, я успел выпить рюмку контрабандного дагестанского коньяка.

– Привез? – спросил я.

Сашка отрицательно покачал головой и развел руками.

– Не понял! – нахмурился я, отставляя чашку с кофе.

– Там их нет.

Это известие было для меня настолько неожиданным, что я вскочил с кресла и подошел к официанту.

– Как нет? Ты хорошо смотрел? Ты в моторке смотрел или где? Ты очки свои снимал, когда смотрел?

– Да, все обшарил. Даже под днище лазил. Нет аквалангов.

Я сжимал плечи парня и смотрел ему в глаза, словно в окуляры бинокля, стараясь рассмотреть лодку у старого причала и акваланги в ней. Теперь мне стало ясно, почему Сашка так любил темные очки. Глаза у него были невыразительные, водянистые, с белесыми ресницами. Такие глаза и естественный для них безвольный и постный взгляд всегда раздражают собеседника.

О пропавших аквалангах лучше бы он доложил в черных очках.

Глава 8

– Курортники сперли, – предположил Сашка. – Больше некому. Молодоженов на пляже обокрали, теперь вот акваланги прикарманили. Куда, кстати, подевалась наша сладкая парочка?

– Отдыхающие у старого причала не ходят, – ответил я, пропустив опасный вопрос о молодоженах.

«Ну как тут завяжешь с сыском? – думал я. – Как можно в такой гадкой жизни спокойно заниматься собой? Хочешь – не хочешь, а приходится распутывать узелки, которые плетут мерзавцы».

Я долгим взглядом уставился на официанта. Без очков он не умел смотреть мне в глаза.

– Ты вчера вечером поднимался сюда?

– Вчера вечером? – медленно проговорил Сашка, неестественно морща лоб, и я понял, что он здесь был. – Кажется, поднимался... Ну да! Я ужин заносил в люкс, а потом еще раз поднялся, чтобы забрать тарелки.

– Акваланги видел в коридоре?

Сашка даже вздохнул с облегчением – речь шла не о профессорском номере.

– Конечно, видел! – почти радостно ответил он. – Стояли на полу под окном. Их было... – он поднял глаза к потолку. – Раз, два, три...

– Ну, ладно, я знаю, сколько их было, – прервал я его подсчеты. – Ты мне другое скажи: рядом с ними никто не крутился?

– Рядом? – на этот раз он призадумался натурально, но думал гораздо дольше, чем могло потребоваться для ответа. – Вы знаете, когда я заходил к Валерию Петровичу, там как будто кто-то стоял.

– «Как будто», «кто-то»! – передразнил я нервно. – Конкретнее сказать можешь?

Сашка начал покусывать губы, глядя на свои туфли.

– Не могу вспомнить, – наконец выдавил он из себя.

Он лгал. Он не хотел или не мог сказать правду. Мне показалось, что в кабинете стало невыносимо душно. Я встал и подошел к окну, высунул голову наружу, глянул на крепость, тающую в сумерках, черное пятно моря с огоньками траулеров. Что произошло? Почему вдруг я перестал понимать происходящее?

Я подошел к официанту, взял его за плечи, слегка встряхнул, словно это могло помочь парню избавиться от лжи.

– Саша, – тихо сказал я. – Ты должен мне помочь. Это очень важно для меня. Я повторяю – очень важно. Постарайся вспомнить, кто стоял рядом с аквалангами вчера вечером, когда ты принес ужин в пятый номер.

Парень молчал.

– Вспомнил?

– Я не знаю! – жестко, с вызовом, ответил он.

– Ты ведь говоришь неправду, так?

– Я не понимаю, что вы от меня хотите!

– Ну, ладно, – ответил я, отпуская его плечи. – За тебя просил мой давний приятель, с которым мы вместе служили. Я не хотел брать тебя на работу, но он меня уговорил. Теперь я окончательно понял, что сделал это зря.

– Можете уволить, – проворчал Сашка и насупился. – Я не помню, кто там стоял. Оставьте меня в покое!

* * *

– Добрый вечер, господин директор!
Я посмотрел выше и увидел в мансардном окне блестящую лысину профессора Курахова.

- Добрый вечер, – ответил я.
- Прекрасно на улице, не правда ли?
- Вы правы.
- Далеко собрались на ночь глядя?

Профессору хотелось либо потрепаться, либо потрепать мне нервы. Я предпочел молча удалиться в темноту. Меня потянуло к крепостным стенам. По тропе, которая представляла собой отшлифованную дорожку на камнях, я прошел вдоль главного бастиона, спустился ниже, на покатый луг, щедро нашпигованный белыми камнями и поросший местами горным боярышником. В этом месте иногда разбивали свой лагерь туристы, и тогда по вечерам склон освещали всполохи костров, слышались песни, и на море сползал головокружительный запах каши с тушенкой.

Сейчас здесь было безлюдно и темно, и я продвигался между раскиданных, словно кости на древнем могильнике, камней почти на ощупь.

- Эй-ей! Поосторожнее! – услышал я знакомый голос.
- Это вы, отец Агап? Какого черта вы сидите в темноте без признаков жизни?
- Думаю.

Священник привстал, где-то под его ногами звякнула бутылка. Я заметил, как в свете набережной блеснули глаза моего первого постояльца.

- Я ничего не отдал вам?
- Нет, Кирилл Андреевич, обошлось. Вы всего лишь наступили мне на руку... А вы что делаете здесь в такое позднее время?

Я не ответил и присел рядом со священником на камень, еще хранящий тепло солнца. Некоторое время мы оба молча смотрели в огромный черный мир.

- Мне показалось, что вы сегодня чем-то удручены, – сказал отец Агап.
- Вам не показалось, – с удивительной легкостью честно ответил я. – Мне тяжело на душе.

- И что тяготит вашу душу?
- Наверное, ощущение греха.
- Что ж вы молчали! – воскликнул священник. – Вам обязательно надо исповедаться!
- И что от этого изменится?
- Вы облегчите свою душу!
- Вы искренне думаете, что душу так легко облегчить?.. Кстати, а что вы пьете?

Отец Агап смутился, кашлянул, побряхтел, шаря у себя под ногами и, явно стыдясь, ответил:

- Портвейн. Массандровский портвейн. На редкость хороший, между прочим. Не желаете выпить?

- Наливайте ваше пойло!
- Вот только стаканчика у меня нет.
- А я из горла.

Я приложился к бутылке.

- Кстати! – сказал я, отрываясь от бутылки. – Вы с Мариной раньше знакомы не были?
- Увы! Если бы я встретил ее раньше, то, может быть, меньше было бы работы.
- В каком смысле? – не понял я.

Священник вздохнул и тоже сделал глоток портвейна.

– Видите ли, Кирилл. Марина идет по правильному пути, но, в связи с тем, что мое воздействие на нее как врачевателя души слишком эпизодично, быстротечно и вскоре прекратится, у Марины могут снова возникнуть проблемы...

– О каких проблемах вы говорите?

– Не спрашивайте, Кирилл, – сразу же ответил отец Агап. – Это была почти что исповедь. Я не смею выдавать чужие тайны.

– Я не о тайнах спрашиваю, – поспешил оправдать свой вопрос я. – Но если у моих клиентов возникают проблемы, то я всегда стараюсь решить их.

– Нет-нет! Вы эту проблему не решите. Здесь поле деятельности не для мирского администратора.

– Значит, речь идет о нравственности?

– Да, пожалуй, это так. – Отец Агап помолчал минуту, потом схватил меня за руку и с жаром заговорил: – Только ради бога не думайте об этой девушке плохо! То, что произошло с ней, увы, сегодня не редкость. Путь к господу тернист. Ей надо помочь, и мне это по силам.

– Что ж, желаю вам успеха, – сказал я, вставая с камня, и, как бы к слову, добавил: – Кстати, я знаю, что после захода солнца вы любите постоять у окна и полюбоваться ночным морем.

– Да! Каюсь! Люблю! Но если вы запрещаете мне подниматься на второй этаж...

– Нет-нет! – прервал я священника. – Стойте у окна, сколько хотите.

– Это огромное наслаждение для души, – сказал отец Агап. – Представьте: море, полная луна, серебристая дорожка... Кстати, я и здесь читал, пока буквы различить можно было. Вот, псалтырь с собой прихватил.

– Ну и читайте на здоровье! – порадовался я за своего постояльца. – Правда, вчера у окна я поставил акваланги. Не мешали они вам?

– Что вы, Кирилл! Конечно же, не мешали! Я к ним и не прикасался вовсе!

– Что ж, спокойной ночи!

– И вам доброй ночи!

На эту тему так много писали журналисты и спорили правоведы, думал я, спускаясь к набережной и все глубже погружаясь в переплеск разноцветных огней и музыкальный коктейль. Только никак не могу вспомнить, к какому выводу они пришли: обязан ли священник, которому была доверена тайна исповеди, способная помочь раскрытию преступления, передавать ее следствию? Или же на то она и тайна, что не подлежит разглашению никогда и никому?

Глава 9

Не знаю, что я хотел там найти, но ноги сами понесли меня к старому причалу. Все вокруг него было ветхим, сгнившим, почерневшим от морской соли и солнца, и потому несколько сараев, просвечивающих насквозь, дырявые лодки, лежащие на берегу кверху днищами, некогда колючая, проржавевшая до красноты изгородь с поваленными столбами да трухлявые клетки брошенных при царе Горохе сетей смотрелись единым ансамблем, экзотично и гармонично.

Моторную лодку я увидел еще издали. Она напоминала выброшенную на берег огромную рыбину. Вытащить из нее два ярко-желтых акваланга и пронести их под крепостными стенами незаметно для сотен отдыхающих было невозможно. Это был первый вывод, который я сделал, спустившись к воде. Ко второму выводу я пришел еще в гостинице, когда Сашка сообщил мне о пропаже: два почти полностью заправленных акваланга общим весом в пятьдесят килограммов не под силу было бы унести одному человеку.

Если отбросить мотивы, то выходило, что надрезать мембраны аквалангов вчера вечером мог любой постоялец моей гостиницы, включая и отца Агапа. Процедура эта была проста и не могла занять много времени: свернул крышки у четырех легочников, сделал надрезы на мембранах бритвой или маникюрными ножницами, поставил крышки на место – на все три, от силы пять минут.

Но когда я начинал искать мотивы этого поступка, то сбивался на мелочах. Ну зачем, скажем, священнику было желать смерти Марины, за непорочность и очищение души которой он так искренне переживает? Профессор Курахов? Какая бредовая идея могла заставить его испортить четыре акваланга, в том числе и тот, которым должна была воспользоваться его падчерица, дочь покойной жены? Сашка? Трудно поверить, что парень мог сделать такую гадость мне в отместку за то, что я иногда бываю по отношению к нему строг и требователен. Анна? Рита? Уборщица? Бред! Не исключено, что это мог сделать кто-то из троих, собравшихся на подводную экскурсию, чтобы запутать следствие. Но если предположить, что молодожены действительно погибли, значит, остается одна Марина. Но зачем этой набожной девушке было убивать ни в чем не повинных молодоженов, с которыми она впервые встретилась в гостинице, а заодно и меня?

Я даже промышал, чувствуя собственное бессилие перед всеми этими вопросами.

Если не везет, то до конца! Я неудачно прыгнул на песок и громко чертыхнулся. Пятка угодила на какой-то острый предмет, напоминающий консервную банку. Прыгая на одной ноге, я материл всех на свете, кто превратил пляжи в мусорные свалки, потом сел на песок, отыскал кроссовки и наткнулся рукой на тот предмет, который намеревался сделать меня калекой.

Это была крышка от легочника.

Я интуитивно почувствовал, что оба акваланга спрятаны где-то рядом. Обойдя лодку, заглянул под днище, потом встал на корточки и нащупал глубокие параллельные следы, напоминающие борозды, какие оставляет плуг. Это были следы от баллонов, которые волоком оттащили к воде. Пришлось раздеться и залезть в воду, хотя ночное купание не входило в мои планы.

Акваланги лежали на небольшой глубине, один на другом, придавленные сверху булыжником, и я без труда вытащил их на берег. Все правильно, акваланги – это улика, и преступник постарался от них избавиться. Незаметно для отдыхающих их можно было только утопить, что он и сделал.

Мембраны были вырваны, и на крепежной шайбе висели лишь куцые лоскутки резины. Прекрасно, отлично! – сказал бы сейчас профессор Курахов, и мне невольно захотелось сказать то же и тем же едким тоном.

Во мне неудержимо пробуждался азарт. Игра увлекала все больше, и я уже не мог оторваться от нее.

Это грубая работа моих несчастных должников, с полной уверенностью подумал я. Это они надрезали мембраны в двух аквалангах и, когда мы вчетвером прыгнули в воду, быстро скрылись, не дожидаясь, когда мы начнем захлебываться. Они отплыли далеко от того места, где была моторка, вышли на берег, спрятали акваланги и побежали в гостиницу, где в это время на этажах обычно никого не бывает. Они симитировали ограбление гостиницы, перевернув все вверх дном в номере профессора и «обчистив» свою комнату. Со своими вещами они направились на набережную – все было рассчитано верно, к этому времени мы с Мариной уже причалили к берегу, – выволокли и утопили наши акваланги, предварительно вырвав мембраны. Нет пострадавших, нет вещественных доказательств, а значит, нет и состава преступления.

Я в нерешительности остановился у металлической сварной лестницы, которая вела к гаражам, мастерской и медпункту спасательной станции. Вернуться домой и объявить всем о проделках двух молодых аферистов, у которых не хватило благородства вернуть долги и распрощаться со мной по-человечески? Или же... Или же проверить свои выводы в последний раз, чтобы уже никогда не возвращаться к этой теме?

Я положился на судьбу и спустился вниз. Двери мастерской были открыты, внутри горел свет. Гриша Снегирев, с черными по локоть руками, ковырялся в разобранном наполовину лодочном моторе.

– Заходи! – кивнул он мне, прилаживая к оси шестеренку. – Будь добр, возьми отвертку и придержи этот штуцер.

Я помогал ему собирать мотор еще полчаса, авансом отработывая свою просьбу. Гриша понял, что я пришел не просто так, и, закончив работу, спросил:

– Ну? Какие проблемы?

– Мне нужен акваланг и подводный фонарь, – ответил я.

– На крабов собрался?

– На крабов, – подтвердил я.

– Нет проблем.

Через несколько минут с аквалангом за плечами, маской, ластами и подводным фонарем в холщевой сумке я быстро шел по кипарисовой аллее к шоссе, распуская и веселя своим гуманоидным видом праздную публику.

Остановить попутку в сторону заповедника в столь поздний час было маловероятно, но мне повезло. Изрядно потрепанная японская «Сузуки» с правосторонним рулем, набитая орущими пьяными людьми, обогнала меня и остановилась впереди, преградив дорогу.

– Водолаз!! – истошно кричали девчонки и махали руками из открытых окон. – Поехали с нами!!

Не знаю, как я уместился на сиденье, расположенном слева от водителя – там уже сидела одна чрезвычайно эмансипированная девица, но, тем не менее, машина вместе со мной сорвалась с места и с ужасным ревом помчалась по ночному шоссе, освещая дорогу одной фарой. С заднего сиденья мне тотчас передали ополовиненную бутылку шампанского. Чтобы быстрее отстали, я попытался сделать плоток, но не смог запрокинуть голову – сзади мешал кран редуктора – и шампанское пеной вылилось мне на грудь.

– Хватит курить! – прикрикнул кто-то с заднего сиденья. – Дышать нечем! Водолаз, можно глотнуть чуток кислорода?

Я почувствовал, как кто-то пытается открутить кран подачи воздуха.

– Вы не беспокойтесь, – сказала мне девица, которая сидела между мной и водителем. – Влад только три бутылки портвейна выпил. Правда, Влад?

Водитель отрицательно покачал головой. Косичка, стягивающая на затылке его длинные волосы, кистью прошлась по потрепанному подголовнику.

– Это было за ужином, – уточнил он, одной рукой прижимая к уху сотовый телефон, а другой вращая руль. – А перед выездом я еще две выпил... Алло! – крикнул он уже в телефон. – Витек! Мы все купили и уже едем...

Я охотно ему поверил, стоически глядя на то, как он вписывается в крутые повороты, сметая колесами гравий в пропасть. Тот, кто хотел кислорода, все не мог успокоиться и продолжал дергать за кран редуктора.

Бронзоволицый водитель взглянул на меня и подмигнул. Красивый мужик, мимоходом подумал я. Кто-то передал сзади пакетик леденцов, и эмансипированная девица насыпала мне полную горсть. Любитель кислорода утомился, наверное, уснул.

– Куда тебе? – спросил Влад, опуская телефонную трубку в гнездо на панели, успешно преодолевая последний крутой вираж и выезжая на прямую трассу, идущую вдоль можжевелевой рощи.

– Ближе к лесу, – ответил я.

– Ха-ха-ха! – тотчас подал признаки жизни любитель кислорода. – Я тащусь от него! С аквалангом по лесу будет шастать!

Влад кивнул и, хотя это было явно не по пути веселой компании, все же подвез меня вплотную к дачным застройкам, стоящим у самого леса.

Задев аквалангом панель, пассажиров, потолок кабины и сиденье, я с трудом вылез из кабины. Дверка за мной тотчас захлопнулась, и торжествующая развалюха, взревев танком, тронулась с места, но я успел обернуться и взглянуть через оконный проем на пассажиров, сидящих сзади.

Всего лишь на мгновение мы встретились взглядом с Анной.

Глава 10

Полная луна давала достаточно света, и я благополучно, не переломав ног, преодолел каменный хаос заповедника и добрался до воды. Снял с себя акваланг, лег спиной на большой плоский камень и уставился на звезды.

Настроение было уже не то. Затея с ночным плаванием, которая взбрела мне в голову, сейчас казалась несусветной глупостью, потугами мнительного идиота, который сам придумывает страшные сказки и сам же отыскивает для них опровержение. Я умирал от ревности и не знал, как помочь самому себе.

Слабые, сонные волны тихо накатывали на каменную баррикаду, облизывали ее гладкие, обросшие водорослями бока. Белые, бесформенные камни в молочном свете луны казались призрачными сфинксами, и почти в каждом из них мне виделась фигура собаки, птицы, обезьяны или голова человека. Где-то внизу, в расщелинах между камнями, тихо перебирали пустые ракушки крабы, пируя тем, что оставили после себя «дикие» туристы, часто посещающие заповедник.

Я уже собрался было встать, как почувствовал, что мне на руку напоззла какая-то колючая гадость, и брезгливо отдернул руку. Темные существа размером с кулак, шурша и скрежеща по камню, кинулись врассыпную, испуганные моим резким движением. Мне стало немного не по себе, хотя я никогда не испытывал отвращения к членистоногим.

Пришлось включить фонарик, чтобы не наступить на крабов, которых здесь оказалось великое множество. Я заметил удобную расщелину шириной в окоп, куда мог спуститься вместе с аквалангом. Фонарик пришлось держать в зубах, а обеими руками цепляться за выступы. В какой-то момент я потерял опору под ногами и повис на пальцах. Акваланги тянули меня вниз, я ничего не видел под собой, так как луч света прилип к каменной стене передо мной. Болтая ногами, я нащупал крохотную выемку и, перенеся на нее тяжесть тела, благополучно спустился на дно каменной пещеры.

Я посветил вокруг себя и почувствовал, как во мне шевельнулся гадливый ужас. Дно пещеры представляло собой нагромождение небольших округлых камней, наполовину скрытых водой, напоминающих кочки на болоте. И по протокам между этих камней, толкая и напоззая друг на друга, издавая ужасный царапающий звук, двигая сотнями, тысячами мохнатых членистых лапок, бежали наутек полчища черных крабов. Их было столько, что поток паукообразных по щиколотку закрыл мои ноги. Этого омерзительного зрелища я не видел еще никогда. Казалось, что все крабы Крыма сползли в эту пещеру на свой съезд. Срываясь, соскальзывая с камней в воду, они продолжали бегство в море, и вода в неглубоких природных «ваннах» бурлила, словно кипела.

Усилием воли я сдержался, чтобы в свою очередь не кинуться по камням вверх, уподобляясь этим морским паукам. Похоже, я был свидетелем какого-то редкого зоологического явления, какой-нибудь массовой миграции крабов. Медленно успокаиваясь, я продолжал светить по «кочкам».

Мое мужество иссякло в тот момент, как я почувствовал шевеление на моих ногах. Блеснули аспидные черные панцири. Крабы снова ломанулись в воду. Началась массовая паника и неразбериха. «Мешок бы сюда, – подумал я с опозданием, – и хватать их охапками. Потом можно было бы своим постояльцам устроить деликатесный ужин».

Я наклонился к одному гиганту, панцирь которого был усеян белыми ракушками, и протянул руку. Краб уносил все свои многочисленные ноги по спинам своих сородичей, а следом за ним тянулась узкая красная полоска. Сначала мне пришла в голову идиотская мысль, что краб ранен и из него хлещет кровь, но потом я разглядел, что членистоногий крепко сжимает в клешне и тащит за собой красную матерчатую ленточку.

У меня похолодела кровь в жилах. Я поймал конец ленты и, посветив на него, близко поднес к глазам. Было бы очень хорошо, если бы я ошибся, но эта лента очень напоминала ту, которой стянула волосы Ольга перед тем, как нырнуть в воду.

Я откинул ленточку в сторону, и она налипла на каменной стене, словно брызги крови.

— Черт подери, — пробормотал я, чувствуя, как нахлынула тошнота. Я смотрел на крабов уже другими глазами. Я понял, что уже могу сказать определенно, почему их так много здесь. Я осторожно приблизился к воде, где кишели крабы. Свет фонаря отражался от поверхности воды, и я не мог разглядеть, что было на глубине. Я присел, зачерпнул воды и поднес ее к носу. Может быть, я внушил это себе, но мне показалось, что вода слегка отдает гнильцой.

Осторожно, стараясь не поскользнуться на поросших водорослями камнях, я зашел по колено, опустил руку с фонариком под воду. Из-под руки рассыпалась стайка серебристых мальков, несколько крабов предусмотрительно спрятались под камни. Медуза, как плафон бра, матово отсвечивала в луче фонаря и медленно помахивала желейным подолом. Рыбы-иглы повисли частоколом, опустив свои губастые головы вниз. Больше я ничего не увидел.

Можно было бы остановиться на этом, обмануть самого себя. Но я уже не владел собой, подчиняясь какой-то сатанинской воле.

Я зашел в воду в нескольких метрах от того места, где толпились крабы, и нырнул под воду. Сначала я плыл перпендикулярно к скальной стене, точно по тому маршруту, каким плыли молодожены, а затем стал делать зигзаги влево-вправо, медленно приближаясь к узкой подводной щели, ведущей в пещеру. Луч света выхватывал из темноты обрывки водорослей, медуз, мелкий мусор, точечную взвесь. Быстро мелело, и я уже различал контуры крупной гальки на дне, белые пятна песчаных «полянок». Черной тенью на меня надвигалась скальная стена. Встречные рыбешки, вспыхивая серебром в свете, шарахались в стороны перед моей маской. Я водил лучом вперед и вниз, все медленнее работая лапами и все ниже опускаясь ко дну...

В плотной тени гигантского подводного валуна матово блеснули желтые баллоны. Я замер, но меня еще медленно несло вперед по инерции. Удары сердца заглушали грохот пузырей. Я шумно и часто дышал, не сводя глаз с белого продолговатого предмета, еще нерезкого в мутной воде. Потом я различил яркие пятна купальника цвета морской волны. Потом увидел, как колышутся, словно на ветру, светлые волосы, путаясь между гофрированных трубок. Несколько крабов, испуганных моим приближением, кинулись прочь из-под лица трупа. Тело качнулось, словно девушка была живой и почувствовала боль.

Я сходил с ума от охватившего меня ужаса, и если бы не маска и загубник во рту, то схватился бы за голову и издал бы дикий вопль. Значит, все-таки они захлебнулись! Все-таки случилось самое худшее, о чем я даже боялся думать.

Где-то недалеко должен быть труп Олега. Если он захлебнулся первым, то девушка не могла оставить его и уплыть далеко, как и он не оставил бы ее, случись с ней беда раньше. Я кружил вокруг валуна, обыскивая узкие щели, разгребая руками водоросли и осматривая каждый метр дна. Глаза набухли от слез, все двоилось, и мне приходилось часто моргать, и невыносимая тяжесть на глазах и в сердце становилась все ощутимей.

Я сделал не меньше десятка кругов вокруг подводного валуна, ставшего местом страшной смерти Ольги, осмотрел все в радиусе пятидесяти метров, но тела парня не нашел.

На изуродованное крабами лицо Ольги я не мог смотреть. Несчастная продолжала сжимать окоченевшими челюстями загубник. Мутные глаза были широко раскрыты, и в них не отражалась лампа фонаря. Уже распухшая шея была покрыта страшными сизыми пятнами. Руки утопленница раскинула в сторону, а ее пальцы застыли в странном положении, словно в каждой руке она держала по мячу, а потом мячи всплыли на поверхность.

Я направил луч света на легочник, легко свинтил крышку и снял ее с коробки. Мембрана была разорвана. Точнее, от нее был оторван довольно приличный кусок размером со

спичечный коробок. Испугавшись, что я мог нечаянно обронить оторванный кусок резины, я посмотрел вниз, осветил дно, повернул к лицу крышку, проверил пальцем внутри коробки. Обрывка мембраны нигде не было.

У меня заканчивался в баллонах воздух. Надо было принимать какое-то решение, надо было сделать все, что я должен был и мог сделать. Завинтив крышку легочника, я схватился рукой за вентиль редуктора и потащил за собой впряженный в лямки труп. На глубине буксировать утопленницу было несложно, но как только я приблизился к берегу, тело девушки коснулось дна и застряло между донных камней. Пришлось мне выходить на сушу, скидывать акваланг и ласты, и потом делать отвратительную работу – вытаскивать труп на прибрежный песок маленькой бухты.

Я возился с ней не меньше получаса, стараясь не прикоснуться к мертвому телу. Вместе с аквалангом утопленница весила не меньше восьмидесяти килограммов, и я выбился из сил, пока не оттащил труп подальше от воды, под каменный козырек скалы. Только потом я снял с него акваланг и швырнул баллоны на глубину.

«Столько ошибок за один день», – думал я, в темноте, без фонаря, прыгая по камням к пещере, где оставил одежду. Я заметил, что шоковое состояние быстро проходило. Я уже размышлял спокойно, без паники и страха, мысли не путались в голове, и мое будущее представлялось в виде нескольких больших субстанций: клетка, глухой лес и кладбище. «Столько ошибок!» – мысленно повторил я, натягивая на себя джинсы и майку. Конечно, не стоило вытаскивать труп самому, без свидетелей. Порванная мембрана без оторванного куска, который сам по себе никуда не мог деться из легочника, – это уже серьезная улика, это материал для расследования. Здесь даже особенно напрягать мозги не надо, чтобы сделать вывод: после смерти девушки легочник кто-то вскрывал, в результате чего кусок резины оттуда вышел наружу и потерялся.

Я поднялся выше, где было не так сыро и прохладно, сел на песок рядом с зарослями кипарисов и стал обуваться. Затем туго зашнуровал кроссовки и насухо вытер голову майкой.

На меня свалился замечательный повод, чтобы вновь заняться сыском и, не задевая своего самолюбия, не нарушая слова, вернуться к прежнему имиджу, который когда-то покорил сердце Анны. Собственно, подсознательно я все сейчас делал ради нее, и мне казалось, что этот стимул поможет мне с легкостью пережить выпавшее испытание. Я решительно шагнул на тропу, ведущую через лес к поселку, как вдруг совсем рядом услышал:

– Не пора ли раскрыть карты, господин директор?

С ужасом я узнал голос профессора Курахова и медленно повернул голову, глядя в темноту.

Глава 11

– Стойте на месте и не вздумайте бежать, – сказал профессор.

Я по-прежнему не видел его. Казалось, что голос материализуется из темноты. Похоже, что Курахов сидел на корточках за большим кипарисом, черной мечетью вонзившимся в звездное небо.

– Я не знал, что вы любите шпионить, профессор, – произнес я, все еще не придя в себя.

– А ловко я вас раскусил, а?

– Не понимаю, в чем этот раскус заключается? – пожал я плечами, вглядываясь в темноту. Кажется, профессор пришел один.

– Не надо, не валяйте дурака, э-э-э... забыл, как вас зовут.

– Вы что ж, от самого дома за мной следили?

– Представьте себе, да. Правда, вы едва не ушли от меня, когда сели в машину. Но мне повезло с попуткой.

Профессор замолчал. Я не мог понять, что ему от меня нужно. Если он все видел, то пусть думает обо мне что угодно, хуже мне от этого не будет. Если он намерен шантажировать, то это пустой номер.

– Что ж вы молчите? – нетерпеливо спросил профессор.

– Молчу? – искренне удивился я. – А что вы, собственно, хотели бы от меня услышать?

– Объяснений. Отвечайте, что вам от меня надо?

– От вас? Ничего. Честно говоря, я хотел задать вам такой же вопрос.

– Вы все-таки лукавый человек, господин директор! – покачал головой Курахов. – Неужели вы станете отрицать, что погром в моем номере произошел не без вашей помощи?

– Ах, вот о чем вы! – с некоторым облегчением произнес я. – Все о своем. Нет, уважаемый Валерий Петрович, никакого отношения к хулиганству в вашем номере я не имею.

– Это было не хулиганство. Это был самый настоящий обыск, и вам это известно не хуже, чем мне.

– А с чего вы взяли, что я причастен к этому обыску?

Курахов усмехнулся.

– Позвольте лучше вам задать вопрос... Что-то мне никак не удастся припомнить вас. Вы заканчивали исторический факультет?

– Нет, педагогический, экстерном.

Профессор вздохнул с таким облегчением, словно с него сняли тяжкое обвинение.

– А я голову ломаю, отчего ваше лицо мне незнакомо. Видите ли, у меня, как у профессионального историка, прекрасная память. Все дело, оказывается, в том, что у педагогов я не читал лекций.

– Все дело в том, – поправил я Курахова, – что я заканчивал не Киевский, а Ленинградский университет.

– Странно, – пробормотал Курахов, после некоторой паузы, словно для него было открытие, что университеты бывают не только в Киеве. – Странно, – повторил он. – Тогда мне совсем непонятно, как вы связались с этими... с этими шарлатанами от науки... Простите, напомните мне ваше имя?

– Кирилл.

– Кирилл? Мгм, странное имя. Это что-то усредненное от скифской и германской ветки... Ну ладно! Так на чем мы остановились?

– На том, что я связался с шарлатанами.

– Да! – щелкнул пальцами профессор. – Я скажу вам честно: вы производите впечатление умного человека.

– Я очень тронут, – сдержанно поблагодарил я и слегка поклонился.

Профессор пропустил мою иронию мимо ушей и продолжил:

– И потому я был горько разочарован, когда понял, что вы заодно с этими вопиющими дилетантами, этими школярами, этими недорослями, возмнившими о себе неведь что!

Я уже смотрел на профессора с любопытством.

– Да будет вам известно, – с жаром продолжал профессор, – что генуэзский дож¹ ни за что, ни под каким предлогом не утвердил бы оправдательного приговора консулу на основании того сомнительного манускрипта, который эти невежды нашли во вшивом частном архиве Мадрида. Посудите сами, милейший, это же конец пятнадцатого – начало шестнадцатого веков! Генуя находилась в состоянии войны с Испанией, и ничто, никакие адвокатские ухищрения не могли бы спасти честное имя консула, уличенного в тайных связях с влиятельной испанкой! Его счастье, что он погиб задолго до этого суда.

– Безусловно! – согласился я, ровным счетом ничего не понимая.

– Вот видите! – обрадовался профессор. – Вы сами, кажется, приходите к правильному выводу... Ну! Смелее!

Опасаясь, как бы профессор в запальчивости не схватил меня за грудки, я на всякий случай отошел от него на шаг.

– Ну-у, – протянул я, лихорадочно стараясь понять, что Курахов от меня хочет. – Вывод, естественно, однозначный... Правильнее было бы сказать, что в этом вопросе все ясно, как днем...

– Правильно! Правильно! – на удивление высоко оценил мои познания в истории профессор. – Все ясно, как днем: никаких сношений у последнего консула Солдайи² Христофоро ди Негро с графиней Аргуэльо не было и быть не могло. Все это легенды, лженаучные представления о жизни вельмож генуэзских колоний.

– В самом деле! – пробормотал я.

Профессор оборвал мои потуги выразиться умно, взял меня под руку, прижался к моему плечу и горячо зашептал:

– Так объясните это, милейший, своим подельщикам, этим варварам и двоечникам, в особенности Уварову, неизлечимо страдающему высоким самомнением! Объясните им, что негоже опускаться до того, чтобы копаться в вещах своего учителя. Обещаете?

Я проникся таким благоговейным уважением к профессору и его познаниям, что с огромным трудом посмел огорчить его:

– Я бы с радостью, Валерий Петрович! Но вся беда в том, что я не знаю, о ком вы говорите.

Профессор вмиг оттолкнул меня от себя. В темноте я смог увидеть лишь, как гневно блеснули в свете луны его глаза.

– Что значит, вы не знаете, о ком я говорю? Вы все продолжаете упорствовать? Вы же только что ехали с ними на машине!

– Клянусь, я оказался там случайно, и знать не знаю ваших двоечников, и не имею никакого отношения к обыску в вашем номере!

Профессор помрачнел. Глядя себе под ноги, он неторопливо прошелся по тропе вперед-назад, потом встал напротив меня, смерил долгим взглядом и холодно произнес:

– Но у вас же есть запасной ключ от моего номера!

– Да, есть. Но это еще не говорит о том, что я причастен к обыску.

– А что вы делали у моих дверей во время обеда?

– Искал следы, которые мог оставить преступник.

---

¹ Дождь – в XIV–XVIII вв. глава Генуэзской республики, который избирался пожизненно.

² Так в XV веке назывался город Судак.

– Вас кто-нибудь об этом просил? Вы уполномочены вести расследование?

– Меня просила об этом Марина.

– Марина? – удивился профессор, и мне показалось, что упоминание о падчерице было ему неприятно. – Но я, собственно, не просил ее об этой услуге.

– Она мне сказала, что вам угрожали, пытались шантажировать и вы нуждаетесь в защите.

Кажется, профессор не ожидал, что я был настолько осведомлен в его делах. Он надолго замолчал, подобрал с земли сухую веточку и стал нервно постукивать ею себя по ноге.

– Хм-м, Марина, – произнес он, глядя в море. – Она, конечно, девочка хорошая, но иногда проявляет излишнюю активность и инициативу. Вся в мать... Так что она вам сказала?

Он повернулся ко мне. Я понял, что разговор переходит в выгодное мне русло. Кажется, я знал то, о чем профессор предпочитал не распространяться.

– Она мне рассказала, что в Киеве вам угрожали по телефону, – повторил я. – Требовали от вас какие-то исторические документы.

– Болтун – находка для шпиона, – резюмировал Курахов. – А почему она рассказала об этом вам?

– Когда-то я возглавлял частное сыскное агентство.

– Ах, вот оно в чем дело! Значит, вы – сыщик?

– Бывший сыщик, – уточнил я.

– И никаким образом не связаны с этими, так сказать... Впрочем, мне и так уже ясно, – за меня ответил Курахов. – Я вас не разглядел. В истории вы действительно полный ноль.

– Но, может быть, не совсем полный, – чувствуя себя задетым, попытался возразить я.

– Полный, милейший, полный! – заверил меня профессор. – Впрочем, вы должны быть этому только рады, так как ваша неандертальская ограниченность в вопросах истории стала для вас же неопровержимым алиби... Ваши сыские потуги прошу приостановить, я в них не нуждаюсь. И впредь все вопросы, касающиеся меня, решайте со мной, а не с Мариной.

Он в самом деле намеревался подвести черту под нашим разговором, но я еще не выяснил главного: что он успел увидеть до того, как окликнул меня из-за дерева.

– Извините, Валерий Петрович, – произнес я, – но приостановить свои сыские потуги, как вы сказали, я не могу.

– Что?! – Курахов вполоборота повернулся ко мне. – Что значит – не можете? Я не желаю, чтобы вы совали нос в мои дела!

– Хочу напомнить, что сегодня пострадал не только ваш номер.

– Правильно! – со злой улыбкой ответил профессор. – Вот и занимайтесь только этим номером! И чтобы я вас не видел под своими дверями!

– Хорошо, – устало ответил я, понимая, что Курахов под угрозой смерти не станет слушать меня. – Я буду говорить только о том, что напрямую касается вас. Мне нужно задать вам несколько вопросов, касающихся вашей падчерицы...

– Стоп, стоп, стоп! – снова перебил меня Курахов. Разговаривать с этим человеком было совершенно невыносимо. – Сколько можно вам повторять: не суйте нос в мою личную жизнь. Оставьте меня и Марину в покое!

От бессильной злобы я стиснул зубы, отвернулся и сел на песок. Черт с тобой, подумал я. Жлоб! Трус! Эгоист! Обойдусь без твоей вшивой помощи.

Большую часть пути мы шли молча.

Глава 12

Гостиничный корпус встретил нас безмолвным сфинксом с пустыми глазницами – почти все постояльцы спали с открытыми настежь окнами. Утомленные дорогой и поздним часом, мы тяжело поднимались по ступеням.

– Постойте-ка, господин директор! – негромко произнес он и, не опуская лица, медленно добавил: – Я снова к вопросу о веселеньких нравах в вашей, так сказать, пятизвездочной ночлежке...

Я остановился, повернулся к нему. Своей неостроумной иронией он несколько притомил меня, и я не был готов снова вступить в очередной бесплодный спор, потому как смертельно хотел спать.

– Потрудитесь приподнять чело и взглянуть на окна моего номера... Да-да, единственные, которые закрыты... Не кажется ли вам, что там мерцает свет?

– Это, должно быть, отблески луны, – ответил я, даже не разглядев как следует профессорские окна.

Курахов мельком взглянул на меня и уничижительным тоном произнес:

– Я в восторге! И вы смеее называть себя частным сыщиком?

Кажется, я в самом деле попал впросак: в черных окнах пятого номера плыли тусклые блики то ли фонаря, то ли свечи, но я настолько устал от череды странных и зловещих событий сегодняшнего дня, что мне уже было наплевать на то, что сейчас происходило в профессорском номере.

– Я уже давно не сыщик, – ответил я равнодушно. – К тому же, это ваши проблемы.

– Что?! – возмутился профессор.

Я мстил ему, и он этого еще не понял.

– Валерий Петрович, я стараюсь не затронуть вашу личную жизнь... Спокойной ночи!

С этими словами я первым дошел до калитки и уже протянул руку, чтобы взяться за ручку, как профессор сильным рывком за плечо остановил меня.

– Стоять!! – сдавленным голосом произнес он. – Что вы, в самом деле?! Позер! Кокет! На вас бутылок не напасешься – вы в каждую намерены влезть.

– Что вы от меня хотите? – спокойно спросил я.

– Чтобы вы убрали с лица эту высокомерную маску! – продолжал шипеть профессор. – Она вам очень не идет. Если вы не в состоянии сейчас помочь мне, то не надо было предлагать свои услуги.

Я мог бы еще поторговаться, набить себе цену, но в этом случае мы бы потеряли драгоценное время и наверняка упустили бы непрошеного гостя. Не раздражая более профессора своим гордым видом, я склонился к его уху и спросил:

– Вы когда-нибудь брали преступника голыми руками?

– М-да, – не сразу ответил он, и это было нечто среднее между «За кого вы меня принимаете?» и «Не хотелось бы получить пулю в живот».

Я кивнул головой, словно был вполне удовлетворен этим ответом, и подтолкнул профессора в тень забора.

– Слушайте меня, – зашептал я. – Сейчас я перекину вас через забор. Запрете снаружи ножкой от стула дверь и будете ждать меня во дворе. А я сам поднимусь наверх по пожарной лестнице.

Профессор полез на забор. Получилось не так тихо, как мне хотелось, – Курахов спрыгнул на молодое абрикосовое дерево, листва зашуршала, вдобавок диким голосом взвыл спавший под деревом кот. Я с укором покачал головой, на что профессор пожал плечами и пробормотал что-то насчет притона для бездомных животных.

Пожарная лестница, точнее, ее символический огрызок, свисающий с крыши в двух метрах от земли, прогнулась под моей тяжестью и скрипнула. Я поморщился, мысленно отругал сам себя за то, что стал неловким и суетным, и полез наверх. Форточка торцевого окна, как всегда, была заперта – в коридоре работали кондиционеры, и мне пришлось брелком от ключей отдиравать крепежные рейки и вынимать стекло. Через квадратный проем я уже без проблем открыл оконные замки.

В ночное время коридор освещался лишь одним бра, но этого было достаточно, чтобы я увидел узкую щель между дверью и косяком профессорского номера, и в этой щели плавал слабый желтый свет, словно разогревалась и остывала нить накаливания лампы.

У самой двери я на мгновение остановился, испытывая уже забытое чувство легкого мандража, какое всегда сопровождало близкую встречу с неизвестным и, возможно, очень опасным человеком. Пуля – дура, подумал я, прижимаясь плечом к косяку и с силой ударяя кулаком по двери.

– Стоять! – рявкнул я в темноту и тотчас метнулся к дивану.

Выстрела не последовало, но вместо него раздался грохот падающего стула, и в дверной проем выскочил человек в белой рубашке. Он опередил меня всего на мгновение, и уже в следующую секунду я настиг его в конце коридора и подсек ему ногу.

Падать человек не умел. Вместо того, чтобы выставить руки вперед, он обхватил голову, словно хотел прикрыть ее от сваливающихся сверху кирпичей, и тяжело повалился на пол.

– Не ушибся, малыш? – спросил я. – А почему без очков?

Официант Сашка, исподлобья глянув на меня, сел, обнял руками колени и спрятал в них лицо. Я тяжело вздохнул – настолько живо представил себе реакцию профессора.

– Лучше бы это сделал кто-нибудь другой, – сказал я, приподнимая парня за ворот рубашки.

Глава 13

Профессор продемонстрировал завидную выдержку. Он взглянул на Сашку, ничем не выдал своих чувств, не издал ни одного упрека в адрес «вшивых апартаментов», быстро зашел в свой номер, повсюду зажег свет, прошелся по комнатам, после чего спросил у меня:

– Вы его обыскали?

– Нет.

– Надо бы... Надо бы! – повелевающим тоном повторил он и, не дождавшись от меня решительных действий, близко подошел к официанту и приказал: – Ну-ка, малец, выверни карманы и расстегни рубашку!

Сашка подчинился. На пол выпали дверной ключ, шариковая ручка, огарок свечи и зажигалка. Курахов мельком взглянул на предметы и снова зашел в номер.

– Свои вещи узнаете? – спросил я.

– Не-ет, – едва разжимая зубы, протянул профессор. – Не узнаю... Да не стойте вы там, сейчас разбудите весь свой бомжатник! Заводите отрока сюда!

Я легонько подтолкнул официанта в профессорский номер. Не думаю, что Марина продолжала крепко спать в своем номере после того, как Сашка с лету приземлился на пол, отчего содрогнулась вся гостиница. Но смелости выглянуть в коридор у нее хватило лишь тогда, когда она услышала наши с профессором голоса. Она высунула заспанное лицо из-за двери, испуганно посмотрела по сторонам и шепотом спросила:

– Что происходит? Что здесь упало?

Ее огненные волосы были распущены и упругими волнами лежали на обнаженных плечах. Марина была в ночной рубашке, босая, и я мимоходом заметил, что в negligé, помятая теплой постелью, она выглядит намного привлекательнее, чем в черной юбке, сиреневой кофточке и с туго заплетенной косой. Такие красивые густые волосы надо показывать, а не вить из них веревку.

Мы с профессором не успели махнуть на нее руками, чтобы она поскорее закрылась, как в коридоре появился озабоченный ночным переполохом отец Агап. Батюшка спал на своем топчане не раздеваясь и потому пришел по всей форме – в брюках и рубашке, причем в движении его было столько решительного порыва, словно батюшка намеревался с ходу вступить в бой с нечистью.

– Что за шум? – женским голосом возвестил он о своем появлении.

– Идите почивать, батюшка! – сдержанно, но твердо попросил профессор, прикрывая за собой дверь номера, где бледный, с дрожащими руками на диване сидел Сашка.

– Мне показалось, – сказал священник, глядя то на меня, то на Курахова, – что здесь происходят не совсем хорошие дела.

Марина переступала с ноги на ногу и ежилась на пороге своего номера. Отец Агап увидел ее и нахмурил брови:

– Ну-ка, немедленно оденься, негодница! Как тебе не совестно в таком виде появляться перед мужчинами!

– Ей не надо одеваться, – вмешался профессор. – Ей надо закрывать двери и ложиться спать. Как, собственно, и вам... Марина, я к тебе обращаюсь!

– Я испугалась, – прошептала Марина, пряча свои роскошные плечи и ночнушку за дверью, и, подняв каштановые глаза, взглянула на номер отчима: – Там кто-то есть.

– Вы можете рассчитывать на мою помощь, – обратился к нам батюшка. – Я чувствую: здесь творятся небогоугодные дела. Десять минут назад кто-то поднялся сюда по пожарной лестнице.

– Это я поднялся, батюшка, – поспешил объясниться я. – Так, знаете ли, быстрее и удобнее добираться до кабинета, особенно если учесть, что Валерий Петрович запер изнутри входную дверь ножкой стула.

Курахов, несколько озадаченный моей откровенностью, отвесил легкий авторский поклон.

– Нет, неправда, – едва слышно отозвалась за моей спиной Марина. – Здесь кого-то били. Я слышала, как кто-то бежал, потом упал. Папочка! – обратилась она к отчиму в весьма неожиданной манере. – С вами все в порядке? Скажите честно, с вами ничего не случилось?

Профессора даже покорило от такого обращения. Не поворачиваясь к падчерице, он процедил сквозь зубы:

– Марш спать!

– Нет! Нет! – громче запротестовала Марина. – Вы от меня что-то скрываете! Вас били, да? На вас покушались? Папочка, родненький, я боюсь за вас!!

Кажется, еще немного – и у девушки начнется истерика. Отец Агап, уже не замечая непотребного вида своей подопечной, распростер свои объятия, принимая трепетную душу.

– Успокойся, дитя мое! – ласково приговаривал он, глядя девушку по голове. – Мы сейчас во всем разберемся. Помолись богу и ложись спать. Утро вечера мудренее.

Внезапно дверь профессорского номера распахнулась, и на пороге появился Сашка. Лицо его было перекошено судорогой злобы, и без того маленькие и невыразительные глазки превратились в щелочки, белая рубашка со скомканным воротником была растягнута до пупа. Сашка сжимал кулаки и крутил головой во все стороны, глядя на нас:

– Ну что вы здесь собрались?! Что вы все от меня хотите?! – крикнул он. – Оставьте меня в покое! Я никого не хочу видеть!! Убирайтесь вон!!

Голос его сорвался, слезы хлынули из глаз-щелочек. Он повернулся и снова кинулся в кабинет профессора, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Марина, оторвавшая лицо от груди священника, обалдевшими глазами смотрела на противоположную дверь.

– Иди спать, – тихо сказал ей отец Агап, и Марина послушалась.

– Не судите, да не судимы будете, – произнес отец Агап, глядя то на меня, то на профессора, который уже минуту стоял у двери своего номера, держась за ручку. – Спокойной ночи!

Он поклонился и пошел по коридору. Мы с профессором молча проводили его взглядами.

– Не устаю восторгаться вашими, так сказать, постояльцами, – ехидно произнес Курахов. – Конечно, это очень похвально, что вы не требуете документов, но некоторая осмотрительность, на мой взгляд, не помешала бы... Впрочем, не буду вмешиваться в ваши дела.

Мы вошли в номер. Курахов тотчас закрыл дверь на замок.

– Ну, что, хлопчик? – беззлобно сказал он Сашке, который, сжавшись в комок, сидел на краю дивана. – Придется тебе во всем сознаться. Зачем ко мне в номер лазил?

– Я ничего у вас не украл! – с вызовом ответил Сашка и отвернулся к окну.

– А что ж тогда ты здесь делал?

Сашка не ответил. Профессор, прохаживаясь по комнате взад-вперед, поймал мой взгляд и развел руки в сторону, мол, что я вам говорил – молчит!

– Собственно, мне и так все ясно, – сказал он.

– Я у вас ничего не украл! – повторил Сашка.

– Конечно! – охотно согласился профессор. – Ты не украл лишь по той причине, что не смог найти то, за чем пришел... Имей в виду! – громче сказал профессор и погрозил пальцем. – Нам все про тебя известно. И про твои связи с Владом Уваровым... Ну, как? Дальше будешь упрямиться?

– Я не знаю, о ком вы говорите, – огрызнулся Сашка.

– Упрямится! – вяло возмущался Курахов, поглядывая на меня и явно ожидая поддержки.

Я продолжал молчать.

– Нам все известно! – продолжал Курахов, и это была настолько безобразная игра, что мне стало дурно и захотелось выйти на воздух. – Нам известно, что этот псевдосвященник с фальшивой бородой связан с вами. Так это? Отвечай, голубчик, или завтра утром пойдешь в милицию.

– Ну, все, хватит! – потеряв терпение, сказал я. – Он уже засыпает, как, в общем, и я. Пусть идет к себе!

– Что значит – идет к себе? – нахмурился Валерий Петрович. – Я не вижу следов раскаяния на лице этого молодого человека! Вы посмотрите на него – он чувствует себя героем!

Но я уже поднял Сашку с дивана и подтолкнул к двери.

– Иди к себе, – сказал я и напомнил: – Завтрак должен быть накрыт вовремя.

Я выпроводил Сашку за дверь. В коридоре он поднял на меня глаза. Это был взгляд побитой собаки. Мне совсем некстати стало жалко парня.

Тихо скрипнула дверь напротив. Всего на мгновение из щели на меня глянули широкие, полные ужаса глаза Марины. Дверь захлопнулась, и этот звук показался мне чрезмерно громким, словно это был пистолетный выстрел.

– Ну, куда вы там пропали? – услышал я недовольный голос Курахова.

Я вернулся в комнату. Покачивая ногой, профессор сидел в кресле и играл бокалом с коньяком.

– Вы зря это сделали, – сказал он. – Я почти расколол мальчишку. Еще минута – и он бы во всем признался.

– Сомневаюсь, – ответил я, опускаясь на то место, где только что сидел официант. – На ваши вопросы даже при большом желании тяжело ответить.

– Конечно! – воскликнул профессор. – А что вам еще остается делать, как только критиковать мои вопросы – свои-то вы не задавали.

– Прежде чем о чем-то спрашивать у него, я хотел бы сначала выслушать вас.

– Меня? – удивился профессор, словно я сказал нечто из ряда вон выходящее. – А что вы хотите услышать? Кажется, на берегу я рассказал вам все.

– Вы мне ничего не рассказали. А всякая история начинается с предыстории. Я не знаю сути проблемы: от чего вообще весь сыр-бор начался. Я не знаю элементарного.

– И много ли вы хотите узнать?

– Минимум, Валерий Петрович! Самый минимум! В милиции, да будет вам известно, зададут в десять раз больше вопросов.

Курахов призадумался. Минутное молчание, которое повисло в комнате, дало возможность уловить тихий звук, доносящийся из коридора. Профессор, не придав ему значения, снова плеснул из бутылки в бокал и уже собрался было что-то сказать мне, как я выразительно прижал палец к губам, на цыпочках подошел к входной двери и присел у замочной скважины.

Дверь напротив медленно приоткрылась. Марина, уже одетая в свой скромный наряд, выглянула в коридор, посмотрела по сторонам, затем тихо вышла и прикрыла за собой дверь. Она пошла по коридору в ту сторону, откуда этой ночью пришел я – к пожарной лестнице.

Был пятый час утра.

Глава 14

Курахов плеснул себе в бокал коньяка и встал посреди комнаты.

– Мне очень трудно с Мариной, – начал профессор. – В прошлом году она поехала с группой каких-то чудаков в Израиль и крестилась в Иордане. Вернулась оттуда с совершенно сдвинутыми мозгами. Как раз в это время супруга приболела, и, чтобы обеспечить ей покой, я отдал Марине ключи от своей квартиры. А потом случилось несчастье с ее матерью.

– Что именно?

Профессор ходил по комнате и долго не отвечал.

– Это не относится к делу, – уклончиво ответил он. – Но гибель матери настолько потрясла Марину, что у девушки случилась истерика. Она кинулась мне на шею и стала умолять, чтобы я не оставлял ее одну в опустевшей квартире.

– И Марина осталась жить у вас?

– Да, она прожила со мной еще недели две-три, а потом тихо и незаметно вернулась к себе. Этим летом она увязалась со мной сюда, в Судак, хотя я планировал провести отпуск в одиночестве. Вот, господин сыщик, о себе и Марине, собственно, все... Между прочим, уже светает!

– Да, светает. Но вы еще не рассказали мне о самом главном – о звонках с угрозами.

Профессор вздохнул, словно я предлагал ему поговорить на какую-то мелкую, малоинтересную тему.

– Угроз, собственно, не было... – медленно сказал он, раздумывая над каждым словом. – Было банальное клянченье. Стоны троечников перед зачетом.

– Но Марина сказала...

– Все, что сказала вам Марина, – перебил меня Курахов, – она сказала с моих слов. Лишь однажды она была свидетелем такого звонка. Я прекрасно знаю, кто звонил... Нет, это не угрозы и не шантаж. Поверьте мне, что это малозначимый эпизод.

Я заметил, что у профессора стремительно пропадает охота продолжать разговор.

– Валерий Петрович! – с укором произнес я, понимая, что если профессора не «раскачать», то он замолчит окончательно. – Вы же понимаете, что авторы звонков и вчерашнего обыска в вашем номере – одни и те же. Допрашивая официанта, вы даже назвали фамилию Уварова! Кто он? Почему вы его подозреваете?

Профессор поджал губы и, наверное, мысленно произнес: «Язык мой – враг мой», подошел к бару, взял все ту же бутылку коньяка, повертел ее в руках. Пить ему уже не хотелось, и он снова предложил мне:

– Может, глоточек?

– Почему вы не хотите рассказать мне всю правду? – задал я встречный вопрос.

– Правду, правду! – передразнил профессор. – Эта правда вам может показаться ложью! – Он еще помолчал некоторое время. – Я расскажу вам, как было, а вы судите сами. Моя докторская диссертация сначала задумывалась как коллективный труд. Я взял в помощники самых перспективных аспирантов. А поводом стал один незначительный с виду документ из частного мадридского архива – несколько страниц летописи, повествующей о жизни графского рода Аргуэльо... Впрочем, об этом манускрипте я уже вам говорил на берегу.

– Скажите, а кто привез этот манускрипт из Испании?

– Это не суть важно. Когда речь идет о коллективном труде...

– Профессор, – перебил я Курахова. – Это важно.

– Ну, хорошо, – смирился он. – Протокол привез из Мадрида один из моих научных сотрудников, Владимир Уваров, причем тогда он и понятия не имел, что эти документы имеют какое-то отношение к делу Христофоро ди Негро. Обратите внимание, что именно я,

путем долгих научных исследований, пришел к выводу, что никакой связи между консулом и испанской графиней, во что до сих пор верит Уваров, быть не могло.

– Одним словом, вы присвоили себе этот манускрипт, – слишком грубо подытожил я.

– Как вам не стыдно! – возмутился профессор, но мне стало ясно, что я попал в цель. –

При чем здесь присвоил? Я пользуюсь им на правах научного руководителя.

– Как бы то ни было, Уваров звонил вам и требовал вернуть манускрипт?

– Да. Он врал, что в мадридском архиве отдал в залог за манускрипт пять тысяч долларов и, дескать, ему надо получить деньги обратно.

– А вы выгнали его из группы...

– И его, и всех остальных. Я глубоко разочаровался в этих недоучках. С ними оказалось невозможно работать. Они не знают, что такое дисциплина и ответственность.

– Но почему вы до сих пор не вернули Уварову манускрипт? – допытывался я.

– Я еще не закончил своих исследований! – быстро ответил профессор. – Через две недели, максимум через месяц, я верну Владу его манускрипт!

– Значит, вы считаете, что в вашем номере похозяйничал Уваров?

– А кто же еще? Если это сотворил ваш официант, то, безусловно, по воле Уварова. Может быть, Владимир хорошо заплатил мальчишке; может быть, припугнул – не знаю.

– Вы сказали, что Уваров придерживается версии о связях консула с графиней Аргуэльо?

Профессор махнул рукой.

– Не забивайте себе голову этой псевдонаучной чепухой!

– И все же?

– Уваров считает, что консул готовился бежать с графиней в Мадрид. Это ересь! Консул погиб при штурме крепости турками в тысяча четыреста семьдесят пятом году, графиню же убили разбойники на Трансильванском тракте.

– Не вижу между этими событиями никакой связи, – признался я.

– И я не вижу! – обрадовался Валерий Петрович.

– Но дыма без огня не бывает! – упорствовал я. – Уверенность Уварова должна же на чем-то основываться!

Курахов вздохнул, поморщился. Ему очень не хотелось развивать эту тему.

– Видите ли... Некий Фредерико Бальдо, служивший под началом консула подкомандантом крепости, писал в своих воспоминаниях, что Христофоро передал графине большое количество золота, жемчугов и бриллиантов из городской казны.

– И эти драгоценности графиня унесла с собой из осажденной крепости?

– Я повторяю: это сказка! Вымысел! Антинаучный бред недалекого студента!

– Эта сказка подробно изложена в манускрипте?

Профессор долго молчал.

– В некоторой степени, – наконец ответил он. – Следуя из Крыма в Испанию, где-то в районе Трансильвании или Валахии,³ а может быть, на территории современных украинских Карпат, графиня подверглась разбойному нападению и была убита. Чудом выживший слуга позже рассказал графскому летописцу о подробностях последних минут жизни графини.

– Если я правильно понял, манускрипт находится сейчас при вас, здесь?

Профессор взглянул на меня так, словно я его оскорбил.

– Что вы! Зачем мне везти сюда, на курорт, исторические документы? В Киеве у меня есть достаточно надежных мест, где их можно спрятать.

---

³ Трансильвания – в конце XV века княжество, подчинявшееся Венгерскому королевству; Валахия – феодальное государство, образовавшееся на территории современной Румынии в XIV веке.

Он замолчал. У меня уже не было ни вопросов, ни желания продолжать разговор. Мне надо было поспать хотя бы три часа перед тем, как пойти в милицию.

Я брел по коридору, уже освещенному солнцем, к себе в кабинет и думал о том, что мне все еще никак не удастся связать обыск в номере профессора с трагедией, случившейся вчера под водой. Я лишь интуитивно чувствовал, что это – ветви одного дерева, но интуиция никогда не была для меня аргументом, и я всегда относился к ней с осторожностью, как к капризной женщине, у которой семь пятниц на неделе.

Глава 15

Стук в дверь. Семь ноль-ноль. Все, как всегда.

– Входи!

Я ожидал увидеть Сашку и потому в первое мгновение не узнал Риту. Девочка держала в руках поднос, накрытый салфеткой. Она стояла на пороге, не смея зайти в кабинет. Это была не ее обязанность – приносить мне в кабинет завтрак, и она не знала, можно ли ей войти или же достаточно подать поднос с порога.

– А почему ты? – спросил я и только сейчас заметил, что глаза девочки красные и полны слез.

– Не садите его в милицию, – сглатывая, произнесла Рита.

– Что? – не понял я.

– Не надо на него заявлять, – повторила она.

Поднос в ее руках накренился, из-под салфетки показался носик чайника. Я едва успел подхватить поднос, иначе мой завтрак оказался бы на полу.

– Зайди! – сказал я, ногой захлопывая за спиной Риты дверь. – Сядь!

Она была самым слабым звеном – во всяком случае, так мне показалось. Но то, что звеном – в этом я не сомневался. Рита просила то же, что и Марина, только не настойчиво, словно против своей воли выполняла чью-то просьбу. Это было не просто подозрительно. Это было уже смешно! Все, кто окружал меня в гостинице, участвовали в каком-то заговоре, в какой-то дьявольской игре, а я до сих пор не мог постичь ее правил.

Девочка продолжала стоять. Она испугалась того, что я предложил ей сесть – это предполагало долгий и серьезный разговор. Я накинул на плечи белую рубашку, чтобы не стеснять ее, вплотную подошел к Рите и взял ее за плечи.

– Кто велел тебе просить меня об этом?

Она промолчала. Я, не контролируя себя, крепче сжал ее руки и, кажется, сделал ей больно.

– Почему Сашка не пришел?

– Отпустите меня, – взмолилась она.

– Почему ты боишься милиции? Чего ты боишься?

– Я ничего не боюсь! – всхлипнула Рита. – Сашка ни в чем не виноват!

– Что он делал в номере профессора?

– Не знаю. Не отдавайте его в милицию, пожалуйста, оставьте его в покое!

– Да замолчи ты! – прикрикнул я, отпуская Риту. – Никто не собирается отдавать его в милицию. Я только хочу знать, какого черта он делал в номере профессора?

– Не знаю, не знаю, – бормотала Рита, пятась к двери.

Я едва сдержался, чтобы не наговорить ей грубости. «Самое слабое звено» оказалось таким же крепким, как и все остальные, и я ничего не смог сделать, чтобы вклиниться, ухватиться за конец цепи и начать ее раскручивать.

Скинув салфетку с подноса, я с ненавистью глянул на два вареных яйца, нарезанный ломтиками сыр и кофейный сервиз. Девочка развернулась и побежала по лестнице вниз, словно опасалась, как бы я не начал в ее присутствии швырять посуду на пол.

Расчесываясь на ходу, я спустился в кафе. Сашка, сидящий у стойки, вскочил при моем появлении, а Рита, ссутулившись и часто перебирая ногами, словно пародируя старушку, нырнула в посудомоечную. Несколько томительных мгновений я и официант смотрели друг другу в глаза. Ему было несложно выдержать мой взгляд – он прятал себя за стеклами черных очков.

– Кирилл Андреевич, – сказал Сашка негромко. – Я бы хотел... Я должен вам сказать...

Он оглянулся, сделав быстрое движение головой, словно водитель на скорости глянул в боковое зеркало. По дворику, растягивая резиновый эспандер, энергично прохаживался Курахов и, кажется, изо всех сил прислушивался к нам.

– Говори, я слушаю, – поторопил я, чувствуя, что мое дело вот-вот тронется с мертвой точки.

– Не сейчас, – еще тише произнес Сашка, каменея, будто короткие взгляды профессора секли его плетью. – Никто не должен знать... Потом...

Глава 16

Я тупо смотрел на пустынный берег и узкую полоску коричневых водорослей, на которые накатывали тихие волны, мгновенно впитываясь в них, как в губку. Санитар, стоящий позади капитана, закурил какую-то зверскую сигарету, испускающую ядовито-зловонный дым.

– Место не перепутали? – спросил капитан, отходя подальше от санитара.

– Нет, – ответил я и, чтобы милиционер не сомневался в моем ответе, поднялся по тропе на край обрыва, откуда хорошо просматривался весь заповедный берег. – Здесь она лежала! – крикнул я сверху. – Ошибка исключена!

Когда я спустился, санитар сидел в тени валуна, а капитан с задумчивым видом ходил по водорослям, глядя под ноги. Водоросли пружинили под ним, словно скрученная в рулон рыболовецкая сеть, из-под ботинок взлетали тучи дроздофилок.

– Когда они утонули? – спросил капитан, когда я подошел к нему.

Протокол нашего разговора никто не вел, но, тем не менее, я не стал отвечать на некорректный вопрос.

– Не знаю, утонули ли они вообще. Я этого не видел и не могу утверждать.

Милиционер усмехнулся:

– Ну, частный сыщик! Такой умный, что меня сейчас икота задушит. Я спрашиваю, когда они нырнули под воду?

– Приблизительно в полдень.

– А почему сразу не сообщил о случившемся?

– Я был уверен, что молодые люди просто дали деру. Они мне задолжали, и у них была причина расстаться со мной не простившись.

Капитан снова пошел по берегу.

– Странно, – произнес он. – Кому она могла понадобиться, правда? А ты уверен, что она была мертва?

– Но я видел ее лицо! – ответил я. – Точнее, то, что от него осталось.

– А если предположить, что это был макияж? Маска?

– Живой человек даже с макияжем должен чем-то дышать под водой.

– Ты же сам сказал, что девушка держала загубник во рту.

– Да, она его держала. Но мембрана легочника была порвана.

– Ну и что? – с несгибаемым упорством ответил капитан. – На вдохе можно закрывать отверстия легочника ладонью, а на выдохе – открывать. И дышать так довольно долго.

Я устал от него. Капитан изо всех сил старался показать мне, что я как частный детектив – ничтожество, что в сравнении с ним я безнадежный тупица, потому как Ольга и Олег вовсе не утонули, а просто разыграли меня, идиота.

– Значит, занимался частным сыском? – спросил он.

– К несчастью, да.

– Не своим делом занимался! Тебе ясно? Где труп? Кто, кроме тебя, его видел? На каком основании я буду возбуждать уголовное дело? Ложный вызов это называется. Умышленное отвлечение сотрудника милиции от своих служебных обязанностей. Ясно, частный детектив?

– Ясно, – ответил я.

– Э-э, командир! – позвал меня санитар, когда милиционер поднялся на обрыв и сел в «уазик». – А кто платить мне будет за ложный вызов? Пушкин?

* * *

Я подошел к дому ровно в девять, к началу завтрака, и потому меня удивило, что Рита сидит за столиком соседнего открытого кафе конкурентов с пластиковым стаканчиком в руке. В это время она обязана была находиться за стойкой бара и готовить «кофе по-восточному». Если девочка уже на второй день после назначения барменшей позволяла себе такие вольности, то что можно было ожидать от нее через неделю?

– Рита! – позвал я ее.

Она отреагировала как-то странно: медленно повернула голову в мою сторону. В лучах солнца блеснули ее карие глаза. Девочка отвернулась и пригубила стакан.

Теперь я по-настоящему пожалел о своем скоропалительном решении назначить ее вместо Анны. Она явно за что-то обиделась на меня. Может быть, проследила, как я ходил в милицию, и решила, что я подал заявление на Сашку?

Первое желание – повернуться и скрыться за стальной калиткой своего хозяйства, а потом отчитать девчонку как следует, быстро пропало, когда я заметил, что стакан в руке Риты дрожит, и дрожь настолько крупная, что на белый пластиковый стол проливается темно-вишневая жидкость. Бедолага была сильно взволнована. Она, наверное, накрутила себя, пока меня не было, и сейчас переживала что-то близкое к аффекту.

Я подошел к ней со спины, глядя на гладко расчесанные темные волосы и крупную заколку-ромашку, посаженную несимметрично, с правого бока головы. Кажется, эту китайскую поделку она купила на свою первую получку. Или Сашка ей подарил?

– В твоём баре вино ничуть не хуже, – сказал я. – К тому же, ты сидишь у наших заклятых конкурентов.

Рита замерла, словно прислушивалась и боялась пропустить очень важные слова. Ее спина выпрямилась, тонкие бретельки от сарафана впились в плечи. В пальцах щелкнул стаканчик.

– Пойдем! – Я коснулся ее локтя, но Рита отреагировала так, будто я ткнул раскаленным паяльником. Молниеносно отдернула руку, повернула искаженное болью лицо ко мне и судорожным толчком кинула стаканчик мне в лицо.

– Ненавижу! – сдавленным голосом произнесла она. – Гадина!!

Теплый портвейн стекал по моим щекам и подбородку. Я провел ладонью по лицу и взглянул на нее. Казалось, что рука окрасилась кровью.

Я кинулся к калитке, ввалился во двор и тотчас увидел запавшие глаза отца Агапа.

– У нас беда, – сипло произнес он. – Сашка повесился...

И стал неистово креститься.

Глава 17

Я едва не снес плечом обитую жестью дверь. От удара содрогнулся каменный забор, отделяющий открытое кафе от хозяйственного двора. Клумбу с цветами я пропахал, словно трактор, и вылетел к деревянному сараю, рядом с которым, скрытый грязно-желтой ширмой, стоял топчан отца Агапа. Все еще не веря в случившееся, я замер у пожарной лестницы, глядя на Сашку. Официант лежал на бетонном полу, у стены гостиничного корпуса, широко раскинув руки и поджав к животу колени. Его шею стягивала петля; кожа под веревкой сморщилась, словно клапан воздушного шарика под ниткой. Лицо несчастного было отвратительным: из открытого рта вывалился распухший фиолетовый язык, отчего казалось, что Сашка не смог проглотить какую-то гадость и подавился ею.

У меня онемело сердце и в мгновение взмокла спина. Опершись о металлическую перекладину лестницы, я нащупал веревочный узел. Обрывок длиной в несколько сантиметров свисал с перекладины, напоминая крысиный хвост. От злости я двинул кулаком по железу, и лестница загудела, как гигантская струна.

– Батюшка! – нервно крикнул я, все еще не в силах оторвать взгляд от страшного лица мертвого официанта. – Где вы там, отец Агап?!

Священник, опасливо выглядывая из-за угла дома, опять принялся креститься и нашептывать:

– Господи, беда-то какая! Грех-то какой! Руки на себя! Молодой, здоровый...

– Прекратите причитать, – сказал я с раздражением. – Милицию вызвали?

– Я вызвал! – громко сказал Курахов, неожиданно появившийся из-за спины священника и слегка отстраняя его. – Уже прошло десять минут, как я вызвал милицию. Все идет по плану. Все прекрасно, господин директор!

В его тоне сквозило заметное пренебрежение. Сунув руки в карманы шорт, профессор расхаживал по двору, кидая взгляды на труп.

– Довели парня! – декларировал он, стараясь не встречаться со мной взглядом, но я прекрасно понимал, что все слова адресованы мне. – Продали с потрохами!

Наконец-то профессор кинул на меня многозначительный взгляд.

– Вы кого имеете в виду, Валерий Петрович? – спросил я.

– Разве вы не догадываетесь кого? – насмешливо вскинул брови Курахов.

– Давайте подложим ему под голову подушку, – сказал отец Агап и присел рядом с трупом, намереваясь придать ему более «удобную» позу.

Я едва успел оттолкнуть священника.

– Не прикасайтесь к нему!

– Но почему? – искренне удивился священник.

– До прихода милиции ничего не трогать, ничего не поднимать с пола, ничего не переставлять!.. Кто первым обнаружил труп? Вы?

– Нет, что вы! Что вы! – испугался отец Агап. – Его нашла Рита.

– А где вы были до этого?

Священник стал заметно волноваться. Нижняя губа его подергивалась, словно он отхлебывал из железной кружки горячий чай.

– Я был во дворе. Сидел в тени, под зонтом, и читал «Послание к колосссянам» святого апостола Павла. Если не ошибаюсь, была глава вторая: «Чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира»...

– Хорошо, – прервал я священника. – В котором часу это было?

– За час до начала завтрака. Около восьми часов.

Я повернулся к Курахову:

– А вы, профессор, где были, когда это случилось?

Конечно, я доставил ему удовольствие. Курахов даже взвыл от восторга.

– О-о-о! Наконец-то! Наконец-то вы снизошли и до моей персоны. Но, главное, какой стремительный поворот в следовательской игре! Ваш вопрос был сродни разящему удару кинжала, сколь молниеносному, столь и неожиданному... Где я был? О, черт возьми, я не успел придумать ложного алиби, и теперь мне ничего не остается, как сказать вам правду и только правду, какой бы горькой она ни была. Я был в своем, так сказать, номере... Естественно, вы мне не верите, вы думаете, что в это время я старательно вил веревку на веретене, но в качестве доказательства я подведу вас к своей постели, и вы почувствуете уже слабое, но еще вполне ощутимое тепло, исходящее от смятых, но непорочных простыней...

Я снова повернулся к священнику:

– Он лежал в этой же позе?

– Да! Я не прикасался...

– Позвольте на долю секунды опередить вас и сделать гениальное открытие, – продолжал упражняться в остроумии профессор. – Веревка не выдержала веса тела и порвалась. Правильно? Как вам мои способности дедуктировать факты?

Я мечтал о том, чтобы он помолчал хотя бы пять минут.

– Вы видели его сегодня живым, батюшка? – игнорируя профессора, спросил я.

– Видел, – нервно поглаживая бородку, кивнул священник. – Саша стоял у стойки вместе с Ритой.

– Ничего особенного в его поведении не заметили?

– Он был... – Отец Агап задумался. – Нет, – поправил он свои же мысли, – не то, чтобы взволнован. Он был возбужден, все время двигался, не совсем естественно смеялся...

– А я бы сравнил его поведение с реакцией подсудимого на неожиданно строгий приговор, – уже мрачным голосом добавил профессор. – Наша юная барменша, наверное, видела, куда вы пошли, и сказала об этом мальцу.

Я начал непроизвольно щелкать костяшками пальцев – верный признак того, что степень нервозности достигла критического уровня.

– Бред, – произнес я, но не столько для профессора, сколько для себя. – Не могу поверить, чтобы он повесился от страха перед милицией. Он ничего криминального не совершил! Ничего!! Вы это понимаете, профессор?

– Я хочу прочесть отходную молитву, – сказал отец Агап.

– Позже, батюшка. Идите!

Священник колебался. Он смотрел то на меня, то на покойника.

– В вашем доме завелся дух сатаны, – сказал он негромко, но таким голосом, словно сделал величайшее научное открытие.

– Возможно, вы правы, – кивнул я. – Идите же, прошу вас!

– Я смогу, – бормотал отец Агап, пятясь к выходу со двора. – Мы изгоним его отсюда. Надо прочесть молитвы, побрызгать по углам святой водой, вытряхнуть ковры, дорожки, шторы... Я все сделаю, Кирилл Андреевич, причем только для вас, совершенно бесплатно...

Я закрыл калитку на внутренний засов и подошел к лежащему на бетоне самоубийце. Правая дужка от очков сползла под мочку уха, и один глаз с помутневшей роговицей уставился на меня. Белая рубашка на спине была выпачкана в желтой краске, какой были выкрашены наружные стены гостиницы. Левая щека подпухла и посинела от обширной гематомы – падая, уже мертвый Сашка ударился лицом о бетонный пол.

Я присел рядом с ним на корточки и взял конец веревки. Место обрыва оцетинилось рваными нитками. Крепкий лодочный буксир, он может выдержать нагрузку гораздо большую, чем вес тела. От ветхости оборвался или был надорван?

Я невольно потянулся пальцами к петле и случайно обратил внимание на длину веревки и длину моей руки. Глянул на пожарную лестницу, быстро выпрямился, ошарашенный внезапной догадкой, поднял руку и снова легко достал до металлической перекладины, которая послужила Сашке виселицей.

Не знаю, как он сумел повеситься. Веревка была слишком длинной. Она никак не могла натянуться под тяжестью тела и сдавить петлей шею официанта.

Глава 18

– Сегодня вся милиция района работает на Вацуру, – сказал мне тот же капитан, который рано утром выезжал со мной на берег заповедника. – Что у вас тут творится? То пропадают люди, то вешаются.

Сашку вынесли на носилках, накрытого несвежей простыней. Из-под нее выглядывала рука с оттопыренным указательным пальцем. Рука раскачивалась в такт шагам санитаров, и казалось, что Сашка молча грозит всем нам.

– Есть какие-нибудь версии? – спросил капитан, играя фуражкой, лежащей на столе.

Я пожал плечами и выразительно посмотрел на профессора, стоящего рядом, – мол, слушайте и сопоставляйте с тем, в чем вы меня обвиняли.

– Нервный срыв! – вдруг включился в разговор профессор. – Страх перед будущим, осознание своей никчемности... Такое случается среди подростков.

Капитан повернул голову, с удивлением взглянув на профессора.

– А это кто? – спросил он меня.

Я не успел ответить, как профессор отрекомендовался по полной форме:

– Заслуженный деятель культуры, лауреат премии Адриена Эбара, доктор исторических наук, профессор Курахов Валерий Петрович!

И поклонился.

Капитана впечатлил список титулов, он удовлетворенно кивнул головой и снова принялся катать по столу фуражку.

Я подал капитану завтрак. Тот в первую очередь взялся за томатный сок, всыпал в стакан полную чайную ложку соли и, отпивая маленькими глотками, часто вздыхал и вытирал платком вспотевший лоб. К овощному салату он не притронулся, зато с куриным окорочком расправился в считанные секунды.

– Ну что? Прикрыть твою частную лавочку? – спросил милиционер, вытерев губы и кинув салфетку поверх тарелки. – Люди пропадают, вешаются. Непорядок!

Он чего-то ждал от меня, а я почему-то никак не хотел понять, чего именно. Курахов не выдержал паузы и поспешил заявить о своих правах:

– Лично я заплатил деньги за проживание в этой, так сказать, гостинице. И потому, уважаемый господин начальник, претворяя в жизнь свои благородные цели, не забудьте побеспокоиться о соблюдении закона о потребительском праве.

– Чего? – поморщился капитан, жуя фильтр сигареты, и, не дождавшись повторения, усмехнулся, покрутил головой и поднес к сигарете зажигалку. – Умные, блин, все стали, о законах говорят так, будто в этом что-то понимают.

Он встал, надвинул на лоб козырек фуражки и, выдыхая дым мне в лицо, процедил:

– Даю три дня. Думай. Но этот бардак я больше не потерплю. Закрою твой притон к едрене фене!

– Мне кажется, что этот облеченный властью гражданин намекал вам про взятку, – сказал профессор, когда калитка за милиционером захлопнулась.

* * *

Марина появилась во дворе перед самым обедом. Она узнала о беде от отца Агапа, расплакалась, но быстро справилась с чувствами, поднялась к себе и переделалась в черную сатиновую рубашку.

– Скажите, господин... – произнес профессор. – Все время забываю, как вас зовут. Скажите, а обед сегодня отменяется или как?

– Неужели вы еще можете думать о еде? – спросил я.

– А вы слишком впечатлительны, – ничуть не смутившись, ответил профессор.

– Я сейчас вам накрою, – ответил я, сделал шаг и, обернувшись, с нехорошим намеком спросил: – А вы не боитесь, профессор?

– Что?! Чего я не боюсь? Чего, по-вашему, я должен бояться?

– Не делайте вид, будто вам невдомек, что все эти неприятные дела тянутся от рукописи графского биографа, – негромко ответил я, нависая над профессорской лысиной и прожигая взглядом его глаза. – Троих уже нет, и я не уверен, что счет жертвам на этом прекратится. Разве вы думаете иначе?

– У вас большое воображение! – воскликнул профессор, отскакивая от меня, как от опасно больного. – С манускриптом я связываю только обыск в своем номере! И больше ничего!.. Где ваш обед, в конце концов?!

Я зашел в кухню, открыл тяжелую дверь холодильной камеры, и только тогда заметил притаившуюся между холодильником и окном Риту. Девочка курила и исподлобья следила за мной. Глаза ее распухли от слез, черные тонкие пряди налипли на лоб.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я, хотя прекрасно видел, что Рита курит и плачет.

– Извините меня, – тихим, охрипшим голосом произнесла девочка, не поднимая глаз. – Я думала, что это вы «настучали»...

Мне вдруг стало ее настолько жалко, что я сам готов был просить у Риты прощения за стакан с портвейном, брошенный мне в лицо. Я осторожно взял из ее губ сигарету и выкинул ее в окно, затем приподнял девочку со стула под локоток.

– Обед есть? – спросил я.

Рита кивнула, шмыгнула носом и стала выставлять из холодильника коробки с мясными полуфабрикатами, яйца, батон вареной колбасы, помидоры, зелень в банке. Я смотрел, как она, склонившись над разделочной доской, режет луковицу, морщится, сдувает с кончика носа слезы, потом высыпает лук на разогретую сковородку, мелко крошит колбасу, смешивает с майонезом и помидорами. Ее руки были заняты, и Рита не могла вытереть глаза. Но слез она не стеснялась, так как ее чувства к Сашке уже не были тайной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.